

*Магазинчик
морозеного*

ЭББИ КЛЕМЕНТС

*Я знаю, что у тебя своя жизнь и мне давно пора оставить
тебя в покое.*

Но, сказать по правде, я не могу перестать думать о тебе.

Когда тыходишь в комнату, она наполняется светом.

*Я хочу, чтобы этот свет всегда присутствовал
в моей жизни.*

Annotation

Сестры Анна и Имоджин получают в наследство от бабушки небольшой магазинчик мороженого на набережной. Они мечтают продолжить семейное дело, но это оказывается непросто: критики и конкуренты так и норовят усложнить им жизнь. К тому же Имоджин живет в разлуке с любимым мужчиной и не знает, как лучше поступить — остаться в Англии или лететь в Таиланд к возлюбленному. Все лишь усложняется, когда Анна отправляется в Италию на кулинарные курсы и знакомится там с харизматичным, загадочным Маттео...

Эбби Клементс

Магазинчик мороженого

© Бологова В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Элдерберри-авеню, 35, Хоув, графство Восточный Суссекс

— А это что такое, Анна? — спросила Вивьен Макэвой, уставившись на пирог, стоящий перед ней на столике.

— Вишня и миндаль. Немного поэкспериментировала, конечно, но, думаю, тебе должно понравиться.

Анна отрезала кусок от пирога и подала бабушке, сидящей в своем любимом кресле с бархатной обивкой. Она и провозилась все утро, но, судя по выражению лица Вивьен, оно того стоило.

— Анна, девочка моя, — она улыбнулась, — на этот раз ты просто превзошла саму себя!

— Фу! Слава богу! Я рада, — Анна облегченно вздохнула. — Как я и говорила, это совсем новый рецепт, так что ты у меня выступаешь в роли подопытного кролика.

— Почту за честь, — сказала Вивьен, отправляя в рот еще кусочек пирога.

Ее серебристые седые волосы были собраны в небрежный пучок. Элегантное бордовое платье и бежевый кардиган прекрасно сидели на высокой сухопарой фигуре пожилой леди.

Солнечный свет, проникающий сквозь эркерные окна на первом этаже, придавал комнате теплый золотистый оттенок.

Анна отрезала пирога и себе. Несколько крошек упали на персидский ковер. Бабушкин пес Хепберн, толстенькая такса, мгновенно бросился подбирать их.

— Самая дешевая модель пылесоса, вот кто этот проказник, — засмеялась Вивьен.

Черно-коричневый, похожий на сардельку песик был ее неизменным спутником вот уже без малого восемь лет. Вивьен назвала его в честь своей любимой кинозвезды [\[1\]](#), решительно отказываясь принимать во внимание такую мелочь, как пол собачки.

— Можешь сдавать его напрокат, — заметила Анна со смешком.

Какое-то движение в саду за окном привлекло внимание девушки. Она обернулась и увидела крупного мужчину, стоящего возле низкой ограда, которая окружала клумбу с нарциссами.

— Кто это там у тебя? — спросила Анна, наклонившись ближе к стеклу, чтобы разглядеть незнакомца.

— А, это Томаш, — небрежно заметила Вивьен, лишь на секунду оторвав взгляд от пирога.

— Томаш?

— Это друг. Он и его жена Ребекка остановились у меня на некоторое время.

— Никак не можешь перестать, не так ли? — сказала Анна, с улыбкой качая головой.

— Что перестать? — Вивьен подняла взгляд. Ее голубые глаза сверкали. — Быть человеческой?

Анна засмеялась.

— Вот только не говори мне, что они просто пришли в твое кафе и...

— Милая пара, у них всегда находится только немного мелочи на чай. Но они очень вежливые и добрые люди.

История была слишком хорошо знакома и Анне, и всей их семье. Вивьен славилась тем, что собирала у себя бездомных и беспризорных и помогала местному сообществу.

Томаш, словно услышав их разговор, обернулся, помахал Вивьен и широко улыбнулся, когда она энергично помахала ему в ответ.

— Он действительно очень искренний и открытый человек, — сказала она и после некоторой паузы продолжила: — Ах да, о чем это я? Однажды я закрывала магазин и увидела, как Томаш и его жена направляются к одной из неиспользуемых арок по направлению к Хоуву. На следующий день я спросила его об этом. И он сказал, что они действительно там ночуют!

— Это ужасно, — сказала Анна. — Ведь там, должно быть, очень сыро, и к тому же это место совсем небезопасное.

— Я знаю. И у них нет даже одного спального мешка на двоих! Приехать в эту страну, чтобы найти работу и достойную жизнь, а вместо этого... вот так. Как бы там ни было, сейчас они живут здесь, наверху, и больше оправдывают свое присутствие в этом доме, чем иной платежеспособный жилец.

— Похоже на то, — сказала Анна, наблюдая за тем, как Томаш спиливает тяжелые старые ветви, нависающие над изгородью. Вивьен они уже несколько месяцев не давали покоя.

— Ребекка все это время помогает мне с бумажной работой. Просто не знаю, что буду делать, когда они уедут. Мне будет их очень не хватать. У меня так много места в доме... слишком много для меня одной. Ты ведь знаешь, я не люблю одиночество. Я чувствую себя гораздо лучше, когда рядом люди.

— И когда же они уезжают?

— На следующей неделе. Комнату займут их друзья: Томаш получил работу на стройке.

— Да у тебя не дом, а проходной двор какой-то! — заметила Анна. — Интересно, кто будет следующим.

— Если жизнь меня чему и научила, — сказала Вивьен, смеясь, — так это тому, что ничего нельзя знать заранее. Благодаря моему магазину у меня никогда не было недостатка в друзьях и сюрпризах.

— Ну, а как тут в последнее время? — спросила Анна. — В смысле, в магазине?

— Ну как... кредиторы житья не дают. Впрочем, как и всегда, — сказала с улыбкой Вивьен.

Кафе-мороженое на набережной Сансет, 99, было своего рода местной достопримечательностью: оно существовало с середины пятидесятых, и Вивьен была весьма известной особой в Брайтоне. Когда-то кафе процветало. Однако Анна чувствовала, что в последнее время дела в бизнесе шли все хуже и люди заходили туда, скорее, чтобы поболтать и посплетничать, чем что-нибудь съесть или купить. Впрочем, Анна считала чудом, что их кафе вообще продолжает существовать, несмотря на то что в городе в последнее время, как грибы после дождя, появлялись все новые и новые фешенебельные магазины и кафе, где можно было выпить молочные коктейли и поесть мороженого.

— Возможно, я сделаю коротенькую передышку, — сказала Вивьен. — На неделю или, может, две. Сью, моя новая помощница, приглядит за магазином. После того как ее сын Джейми попал в тюрьму и она потеряла работу, для нее настали нелегкие времена. Я уверена, она будет очень стараться.

— Папа будет рад услышать, что ты наконец собираешься передохнуть, — заметила Анна. — Полагаю, у нас нет никаких шансов уговорить тебя уйти на заслуженный отдых насовсем?

— Разумеется, нет! — Вивьен покачала головой, показывая, что эта идея ей не по вкусу. — Что я стану делать на пенсии? Это кафе так долго составляло смысл моей жизни, что я просто не знаю, что буду делать без него. У меня здесь много друзей. Эви, моя соседка, и этот милый молодой человек Финн. Неделя или две отдыха, чтобы подзарядить батарейки, — это все, что мне надо! А Сью прекрасно тут обойдется и без меня.

— Ну ладно, надеюсь, ты используешь это время с пользой и все-таки как следует отдохнешь, — сказала Анна. Она решила, что заглянет в кафе и познакомится с помощницей бабушки, как только уладит свои дела на работе. Прошло довольно много времени с тех пор, как она была там в последний раз.

— Непременно! — заверила внучку Вивьен. — Заодно зайду посмотреть на твою новую квартиру, хоть ты и пытаешься остановить меня. Когда ты переезжаешь?

При напоминании об этом радостном событии Анна просияла.

— В следующую субботу я получу ключи!

— Ах, как замечательно! А Джон как? В тот же день переедет?

— Да, — улыбнулась Анна. — Он тоже будет там.

— Мне не терпится все это увидеть, — сказала Вивьен, наклоняясь, чтобы погладить Хепберна, свернувшегося калачиком на ковре у ее ног. — Нам будет очень приятно, что ты переезжаешь поближе к нам. Правда, Хепберн?

Песик перекатился на спину, демонстрируя голый животик и словно предлагая пощекотать его.

— Тебе понравится, вот увидишь! Там чудесный вид из окон, — сказала Анна, вспомнив, какой изумительный пейзаж открывается из ее новой квартиры на верхнем этаже: далекая линия горизонта и яркие огни Брайтонского причала. Порывы ветра, бьющегося в стекла, отчего-то делали ее квартиру еще уютнее, будто она могла защитить Анну от любых невзгод.

— Звучит заманчиво, — заметила Вивьен. — Я люблю это уже место хотя бы за то, что оно находится так близко от меня.

— Ну да. И судя по всему, из двух твоих любимых внучек тебе какое-то время придется довольствоваться только моим обществом. Похоже, Имоджин не собирается скоро возвращаться домой.

— Ей ведь это нравится, правда? — со вздохом сказала Вивьен. — Путешествия, я имею в виду. Я тут на днях получила от нее открытку с изображением Золотого Будды. Имоджин всегда напоминала мне вашего отца. Свободные духом эти двое.

— Кажется, она весело проводит время с фотоаппаратом в руках. У нее были непростые времена, когда она искала работу после универа, и я думаю сейчас это именно то, что ей надо.

— Я тоже так подумала, особенно когда она прислала мне свои фотографии. А как я любила слушать рассказы твоего отца о путешествиях по Индии. Это было довольно необычно в те годы — путешествовать на этом его громыхающем рычащем мотоцикле, — вспомнила с улыбкой Вивьен. — А теперь и Имоджин будет нас развлекать своими историями.

— А как там папа? — спросила Анна. В последнее время она была занята поисками квартиры и так завалена работой в Брайтонском павильоне, где трудилась маркетологом, что уже пару недель не говорила с отцом.

— О, у него все хорошо. Он как раз звонил сегодня утром. Закончил работу над новой

скульптурой — цаплей. И сейчас обжигает ее в печи. Я попросила его сделать еще одну такую же для моего садового прудика. Он обещал, что сразу за нее возьмется.

— Это хорошо, — заметила Анна. — По крайней мере, это увлечение уберезет его от неприятностей.

Отец Анны ничто так не любил, как работу в садовой мастерской. Он лепил из глины скульптуры птиц и зверей. Ему нравилась дикая природа.

— Мне надо бежать, — добавила девушка, поглядев на экран своего мобильного телефона. — Нужно упаковать вещи, да и Джон должен зайти ко мне через час.

— Что ж, — сказала Вивьен с лукавой улыбкой, — беги, но позволь твоей надоедливой бабушке задать тебе еще один вопрос. Джон — это он и есть, тот самый единственный?

— Надеюсь на это, — ответила Анна, неожиданно смутясь. — Он тот, с кем мне хочется всегда быть вместе, и я чувствую, что это правильно.

— Я очень рада за тебя, — сказала Вивьен. — Ты заслуживаешь хорошего мужчину. Ты сильная женщина, всегда такой была, и к тому же очень талантливая. Помни об этом.

— Не надо сантиментов, бабушка, — засмеялась Анна. — Я никуда не денусь, буду всегда здесь, рядом с тобой.

— Я знаю, милая. — Вивьен ласково похлопала внучку по коленке. — Но никогда не вредно напомнить, что ты особенная, правда?

Имоджин Макэвой чуть наклонилась вперед, чтобы добавить последние штрихи в рисунок, который она наносила на кожу. Она обмакнула кисточку в банку с хной, сощурила глаза от яркого солнца и закончила выводить последний лепесток.

— Ну вот, все готово, — сказала она и откинулась назад, чтобы ее заказчица смогла полюбоваться результатом.

— Мне нравится, — заявила молоденькая блондинка — явно англичанка — и развернула плечо так, чтобы ее бойфренд мог полюбоваться рисунком. — Как тебе? Покажу сейчас маме и сделаю вид, что это настоящая татушка. Вот она офигеет!

Ее приятель, парнишка в одних камуфляжных шортах, кивнул, явно одобряя эту идею, и глотнул пива из бутылки.

— Рада, что вам понравилось, — Имоджин взяла двести батов и засунула купюры за бретельку своего бирюзового бикини, эффектно оттеняющего ее загорелую веснушчатую кожу. Поправив саронг с нарисованными на нем слонами, Имоджин встала и улыбнулась подросткам: — Приятного вам отдыха на Ко-Тао.

Когда парочка ушла, девушка пересчитала деньги, которые заработала за полдня, — достаточно, чтобы внести плату за две ночи в их скромной хижине на берегу. Хватит и на рисовую лапшу пад-тай и пару бутылок пива на вечер. Не так уж и плохо для одного утра. Она взглянула на солнце — похоже, уже полдень. Возможно, если она поторопится, то сможет присоединиться к группе Дэви на дневном погружении. Имоджин быстро вскочила на велосипед и помчалась к берегу. Остров был настолько мал, что дорога заняла у нее всего несколько минут.

— Еще одно место есть? — крикнула она Дэви, соскакивая с велосипеда.

Она успела. Дэви как раз грузил в лодку баллоны с кислородом, доставая их из деревянного ящика, стоящего на чистейшем белом песке у воды.

— Тебе повезло, — сказал он, обернувшись. — У меня сегодня один парень отказался от погружения. Так что можешь присоединиться к группе, если хочешь.

— Супер! — Имоджин стянула в хвост волнистые, слегка выгоревшие на солнце каштановые волосы, а затем стала перебирать груды гидрокостюмов в поисках подходящего размера. — Вы сегодня погружаетесь у затонувшего корабля?

— Таков был план. Но я слышал, что сегодня можно увидеть кое-что поинтереснее.

— Неужели... Нет! Не дразни меня! — воскликнула Имоджин, загоревшись от одного намека.

— Не могу ничего обещать. Сама понимаешь, — Дэви пожал плечами.

Девушка быстро натянула на себя костюм, все еще влажный и соленый после последнего погружения, взяла подводный фотоаппарат и залезла в лодку.

— Поехали!

Минут через пятнадцать Дэви остановил лодку. Изумительно чистая, лазурная вода искрилась на солнце. От этой красоты захватывало дух. Казалось бы, за шесть месяцев, которые Имоджин провела здесь, на острове, она должна была привыкнуть и не реагировать так восторженно, но нет! Имоджин глубоко вдохнула свежий соленый воздух и вместе с остальными дайверами принялась готовиться к погружению — нацепила кислородный баллон, помогла приятелю проверить снаряжение. Затем она села на борт спиной к воде,

собралась с духом и с громким плеском упала в море.

В то же мгновение она оказалась в совершенно другом мире. Все привычные звуки исчезли. Ее окружали яркие коралловые рыбы разных размеров и расцветок. Одни в испуге поспешили уплыть, другие, наоборот, подплывали и с осторожным любопытством разглядывали чужака, вторгшегося в их подводные владения, однако, не найдя для себя ничего интересного, так же легко и бесшумно скользили прочь. Имоджин медленно опустилась глубже, к розовым и оранжевым кораллам, покрывающим склон рифа. Дэви помахал ей, показывая знаками, чтобы она присоединилась к группе. Сейчас-сейчас, думала она, вот только сделаю несколько снимков. Неожиданно Имоджин заметила небольшую рифовую акулу среди стаяк рыб. Нельзя упускать такую возможность! Она достала камеру и несколько раз щелкнула разноцветных морских обитателей, выделяющихся даже на фоне ярких кораллов.

Вдруг над ней пронеслась темная тень, погасив яркие краски. На мгновение девушка застыла, подняла голову... да, вот оно, прямо над ней! То самое поразительное создание, которое она жаждала увидеть, едва ступив на землю Таиланда, на эту встречу она надеялась во время всех своих погружений.

Она увидела, как кто-то из группы Дэви шарахнулся в сторону, кто-то, наоборот, устремился вперед, собираясь подплыть ближе к темной громаде. Дэви знаками велел им остановиться, успокоиться и просто наблюдать.

Китовая акула неспешно скользила над их головами — огромная, словно корабль, — умудряясь при этом почти не нарушать спокойствия водной стихии. Имоджин прекрасно видела большую округлую голову морского гиганта. На фоне светлых пятен, покрывающих темную кожу, были хорошо различимы мелкие рыбы-прилипалы, присосавшиеся к брюху рыбыны. Имоджин вновь подумала, что название «акула», которое у многих ассоциируется со стремительными зубастыми хищницами, может ввести в заблуждение: ведь более мирного и спокойного существа ей еще никогда не приходилось видеть. Стайка мелких рыбешек невозмутимо парила в воде в тени грозного создания, в точности повторяя его движения.

Задержав дыхание, Имоджин поднялась чуть выше, поднесла камеру к маске и принялась снимать это чудо со всех ракурсов.

Вернувшись в дайвинг-центр, девушка отдала снаряжение, горячо поблагодарила Дэви и, все еще возбужденная встречей с морским гигантом, вскочила на свой велосипед, чувствуя, как адреналин растекается по венам. Позади она слышала восторженные голоса остальных членов группы, которые продолжали обсуждать сегодняшнюю необыкновенную встречу — ведь, возможно, им никогда больше не выпадет такая удача! Она ехала по ухабистой пыльной дороге к дальнему берегу, где было ее жилище. Перед ней расстилалась линия горизонта, которую пересекали растущие повсюду пальмы. Мир над водой выглядел совсем иначе, чем прекрасное подводное царство.

Имоджин подъехала к группе редко стоящих построек на одном из самых уединенных побережий Ко-Тау и свернула к морю. Там, где пыльная дорога превратилась в песок, она соскочила с велосипеда и потащила его к хижине, которую вот уже полгода считала своим домом.

Люка, симпатичный молодой американец, с которым она встречалась последние два месяца, предавался послеполуденному отдыху, лениво развалившись в гамаке с каким-то романом.

— Привет! — крикнула она, пробираясь к нему босиком по песку.

— Привет, красотка! — сонно откликнулся Люка. — Ну, как дела?

— Прекрасно! — Она взобралась на веранду и уселась в гамаке рядом с ним. — Нет, в самом деле, все просто изумительно.

Парень подвинулся, освобождая ей место, и легко коснулся губами ее щеки в качестве приветствия. Его загорелая кожа пахла солнцем, а руки были такими же теплыми и ласковыми, как после вчерашнего ночного купания нагишом.

— Что, в самом деле хорошо? — спросил он с интересом.

— У нас сегодня было фантастическое погружение, сделала несколько великолепных снимков. Думаю, некоторые из них вполне можно опубликовать. Представляешь, мы видели китовую акулу...

— Очень интересно, — пробормотал он с лукавой улыбкой, нежно обнимая девушку.

Последние слова Имоджин произнесла едва слышно, потому что Люка отложил книжку и теперь медленно скользил пальцами вверх по ее руке. Добравшись до ее купальника, рука замерла.

— Это было бесподобно, — попыталась продолжить Имоджин, хотя чувствовала, как перехватывает дыхание от его ласк. Она изо всех сил старалась сохранить в памяти то мистическое ощущение, которое охватило ее, когда огромное морское чудовище величественно проплывало мимо.

— Да, видимо, это было весьма интересно, — пробормотал Люка.

Она встретилась взглядом с его глазами, чуть прикрытыми длинными ресницами. Их притяжение друг к другу становилось все сильнее в эти предзакатные жаркие часы. Он привлек Имоджин к себе и поцеловал, зарывшись пальцами в ее выгоревшие от солнца, еще влажные соленые волосы.

— А как ты относишься к вечеринке в честь полнолуния? Лодка отправляется в восемь, и у меня есть немного тайского виски, так что мы можем начать праздновать прямо сейчас.

— Это будет восхитительно! — прошептала Имоджин, тая в его объятиях.

Волны с тихом плеском набегали на белоснежный песок, впереди их ждала чудесная ночь танцев под звездным небом. Воистину, приехав в прошлом октябре на Ко-Тау, Имоджин, сама того не ожидая, оказалась в настоящем раю.

Наконец ключи от новой квартиры, которые Анна ждала с таким нетерпением, оказались у нее в руках.

Вот они, с брелоком от агента по недвижимости, на котором написан ее новый адрес: кв. 12, Марин Парад, 38, Брайтон. Все было позади — годы утомительной работы и постоянной экономии, а затем отчаянные попытки установить более выгодные условия сделки и справиться с постоянно меняющимися положениями контракта, но все это того стоило.

Анна тихо позвенела ключами и улыбнулась. В двадцать восемь лет она стала домовладелицей, и, что еще лучше, — Анна оглянулась на припаркованную со стороны улицы машину своего любимого, — Джон тоже будет жить с ней в этой квартире. Еще совсем недавно она сомневалась, наступит ли этот день когда-нибудь. И вот все сбылось! Они вместе, любят друг друга и, кажется, готовы сделать самый важный шаг — стать настоящей парой. Когда их только познакомили общие друзья Джесс и Эд, Джон был в процессе тяжелого развода, особенно мучительного из-за того, что его сыну едва исполнился год. Однако их сразу потянуло друг к другу, и вопреки обстоятельствам они быстро сблизились.

Джон сидел в машине и говорил по телефону, его трехлетний сын Элфи мирно посапывал в детском кресле на заднем сиденье. Анна подошла к открытому окну машины.

— Джон, — шепнула она, — можно я сяду к тебе? — Анна показала на переднее сиденье с другой стороны.

— Да-да, конечно, — кивнул Джон, прикрывая телефон рукой. Взгляд его зеленых глаз потеплел. Он подмигнул Анне и показал ей собственный набор ключей от квартиры. Сердитые морщинки на лбу разгладились, пока он смотрел на нее. — Я сейчас, только решу проблемы с сыном на следующей неделе, — пояснил он. — Наша няня уезжает на два дня.

Анна заглянула в заднее окно. Элфи казался сущим ангелом, пока спал: розовые щечки, светлые волосы, вьющиеся на висках. У Анны сладко защемило сердце при виде спокойно спящего малыша. Возле него стояли коробки с вещами Джона: теннисная ракетка и DVD-диски в одной, другая доверху заполнена аккуратно сложенными спортивными рубашками и легкими хлопчатобумажными брюками, в третьей лежали игрушки и детские книжки Элфи. Джон очень много работал: он был бренд-менеджером и художником-дизайнером, и свободное время у него появлялось очень редко. Если выпадал шанс сыграть несколько сетов на теннисном корте или погулять с Элфи в парке, он непременно пользовался такой возможностью.

— Смотри, идет, — сказала Анна, кивнув на парковщика, направлявшегося к Марин Парад. Он подходил ко всем, кто решил бесплатно полюбоваться видом на море.

— Вот дерьмо, — пробормотал Джон, который все еще держал телефон у уха. — Ох, извини, — спохватился он, обнаружив, что говорит в трубку: — Это я не тебе, Мия. Это я про парковочный штраф. Я сейчас перезвоню.

Он отложил мобильник и повернулся к Анне.

— Ты иди, солнышко, я скоро поднимусь с Элфи, вот только найду, где припарковаться, — он поспешно поцеловал девушку, повернул ключ зажигания и отъехал на своем «Ауди» от края тротуара.

Направляясь к дому, Анна вытащила мобилник и набрала номер бабушки Вивьен. Уже третий раз за утро она пыталась с ней связаться, но каждый раз попадала на автоответчик. Так случилось и сейчас.

Анна остановилась в нерешительности. Она могла заглянуть к бабушке домой, та жила совсем рядом, в соседнем переулке. Но — Анна посмотрела на часы — сейчас придет Джон, и им надо будет покормить Элфи. Вивьен вполне может прийти посмотреть ее новое жилище в другой день. Все бумаги уже подписаны, и квартира уж точно никуда не убежит.

Анна открыла дверь подъезда, вошла в холл и, пройдя стену с почтовыми ящиками, начала подниматься по широкой изгибающейся лестнице в стиле ар-деко. Укрывающий ступени темно-красный ковер и бронзовые украшения создавали впечатление дорогого отеля.

Анна стремительно, перепрыгивая через две ступени, взбежала на третий этаж: хотя она была не в восторге от своего роста под шесть футов, раньше создававшего ей проблемы при знакомстве с мужчинами, в таких ситуациях с удовольствием пользовалась его преимуществами. Открыв дверь квартиры номер двенадцать, девушка вошла и, с жадным нетерпением оглядев холл, бросила сумку с вещами на пол. Ковровое покрытие, освобожденное от мебели, выглядело грязнее, чем она его помнила. Но это все мелочи. Сама комната казалась просторной, наполненной светом. А главное, из большого окна открывался потрясающий вид на море. Волны с шумом набегали на галечный пляж, оставляя на нем клочки пены, ярко сияли огни Брайтонского причала. Вивьен здесь очень понравится! А Элфи будет счастлив познакомиться с Хепберном.

Анна чувствовала себя совершенно счастливой — у нее был свой собственный дом! А значит, не зря последние несколько лет она крутилась как белка в колесе на этой выматывающей, почти круглосуточной работе.

Она увидела в окно, что Джон с Элфи на руках подходит к дому. Анна потянула на себя створки. Порыв холодного ветра откинул с лица волосы, забрался под серую шелковую блузку.

— С новым домом! — крикнула она. — Поднимайтесь скорее!

Джон поднял и показал ей бутылку шампанского.

— Пусть кто-нибудь только попробует остановить нас! — засмеявшись, крикнул он в ответ.

Анна осторожно закрыла окно; ей уже не терпелось поднять тост за их новую квартиру и показать Элфи, где он будет спать и играть, приезжая к ним на выходные. Она пересекла гостиную и подошла к небольшой комнате рядом с ванной. У прежних владельцев здесь был кабинет. Теперь комната была совершенно пустой, но Анна прекрасно представляла себе, как она будет выглядеть в скором времени, когда они с Джоном ее обставят. Они закажут сюда деревянную кровать, и яркий сундучок для игрушек, и шкаф с фигурками животных, и еще мобиль с веселыми подвесными игрушками, на стенах появятся рисунки. Здесь будет просто замечательно.

Она развернулась и пошла в спальню, расположенную напротив будущей детской. Большая светлая комната была чудесной. Огромные окна выходили в тенистый парк. Тщательно восстановленный деревянный паркет и оригинальный камин в стиле двадцатых годов создавали особую атмосферу. А если сюда постелить ее пушистый бежевый ковер, то будет еще уютнее.

Завтра они с Джоном проснутся здесь. В своей собственной квартире. И не важно, на кого оформлен кредит. Анна понимала, что у Джона сейчас очень сложная ситуация. Через

два года после развода они с Мией все еще искали покупателя на их дом с тремя спальнями и террасой. Так что Джон никак не мог заплатить за эту квартиру. Ничего страшного. Главное, он и Анна вместе искали квартиру и влюбились в эту, на Марин Парад, как только ее увидели. И теперь это место принадлежит им обоим. Здесь они начнут свою новую совместную жизнь. Анна взглянула на свое отражение в зеркале над камином и попыталась привести в порядок густые каштановые волосы, растрепанные морским бризом. Вот он, единственный недостаток жизни в Брайтоне, подумала она.

Она услышала топот ножек Элфи на лестнице и его возбужденный визг — они, очевидно, были уже двумя этажами ниже. Девушка в нетерпении выглянула за дверь, но в этот миг в кармане зазвонил телефон. Анна достала мобильник и посмотрела на экран. Звонила мама.

— Привет, мам, — ответила она.

— Здравствуй, дорогая.

— Ты даже не представляешь, где я сейчас нахожусь, — затараторила Анна, не в силах сдержать радостное возбуждение. — Представляешь, я в своей новой квартире!

В этот момент на пороге появились Джон и Элфи с широкими счастливыми улыбками на лицах. Сходство отца и сына было несомненным. Элфи помчался напрямик в квартиру и, весело крича, начал бегать из комнаты в комнату с энтузиазмом первооткрывателя. Отец старался не отставать от малыша. Анна закрыла дверь и, с улыбкой наблюдая за своими любимыми мужчинами, продолжила разговор.

— Ты помнишь, я говорила про сырость? — сказала она, прислонившись к двери в ванную. — Такое впечатление, что они все здесь высушили. Здесь вообще стало гораздо лучше, чем когда мы приходили посмотреть квартиру. Я не могу найти даже намека на плесень.

— Очень хорошо, — по голосу матери было слышно, что она чем-то очень расстроена. — Послушай, Анна. Я пыталась дозвониться до твоей сестры.

— Имоджин? А что такое? Почему? С ней что-то случилось?

Джон, должно быть, услышал, каким напряженным стал вдруг ее голос. Он подошел к ней. Ее тревога, как в зеркале, отразилась на его лице.

— С ней все в порядке, — сказала Джен. — По крайней мере, я так думаю, просто до нее невозможно дозвониться.

Анна чувствовала, что мать растеряна.

— Тогда что?

— Боюсь, у нас очень плохие новости. Это связано с твоей бабушкой Вивьен.

Часть 1

Приливы и отливы

На табло погас сигнал «Пристегнуть ремни», и Имоджин щелкнула металлической пряжкой, надежно пристегивавшей ее к тесному сиденью самолета. Она откинулась назад и стала смотреть на тяжелые облака, нависшие над Бангкоком. Чуть ниже клубился городской смог. Всего несколько минут на взлет, и вот уже самолет покинул воздушное пространство сказочной страны, где она была так счастлива...

Прошло тридцать шесть часов с того момента, как Анна наконец дозвонилась до сестры. Все это время Имоджин провела в дороге: сначала катер, потом шумный автобус с кудахтающими курами и теперь самолет. За исключением тех беспокойных минут, когда она дремала, прислонившись к окну автобуса, девушка ни на минуту не сомкнула глаз. Имоджин вспомнила, с каким трудом смогла связаться с сестрой по скайпу в интернет-кафе. «Бабушка Вивьен, — прерывающийся голос и лицо Анны, разбитое на квадратики пикселей, — Имо, она умерла!» Эти слова все еще звенели в голове Имоджин, но это не могло быть правдой!

Информация о реальной причине смерти — внезапном сердечном приступе — также не могла помочь смириться с неизбежным. Бабушка никому не говорила о проблемах с сердцем, кроме своего врача. Это никак не укладывалось в голове. Бабушка Вивьен не могла умереть, по крайней мере не сейчас. Такого просто не могло быть!

Сразу после разговора с Анной Имоджин заказала билет на самолет.

Прошла стюардесса с тележкой, предлагая напитки, в том числе и спиртные. Имоджин остановила ее.

— Можно мне водки с тоником?

Она думала о том месте, куда возвращается. Домой, в Англию. Но это будет уже совсем другой дом без ее бабушки — может быть, самого любимого человека, без которого жизнь никогда не будет прежней. А она даже не смогла с ней проститься!

— И, пожалуй, сделайте двойную, — уточнила она.

Имоджин взяла стаканчик и глотнула. Постепенно алкоголь сделал свое дело — она начала успокаиваться и погружаться в дрему. Окружающие предметы расплывались, теряли очертания, она смежила отяжелевшие веки. Во сне Имоджин увидела себя в садике позади бабушкиного дома. Она и Анна играют в бейсбол с Вивьен в качестве арбитра. Девочки бились всерьез. Вивьен подбадривала их, стоя у садового столика, заставленного стаканами с домашним лимонадом и большой тарелкой с яблочным пирогом. На ней были летнее платье с цветастой длинной юбкой, соломенная шляпка и босоножки на высоких каблуках, которые она так любила. Вивьен выглядела так, словно ожидала приглашения на модную летнюю вечеринку. Ее яркие голубые глаза были подведены, а ресницы подкручены. Бабушка всегда казалась Имоджин необыкновенно красивой, похожей на кинозвезду сороковых годов.

Когда девушка очнулась от дремы, она все еще чувствовала запах миндаля и меда, который всегда ассоциировался у нее с бабушкой, — запах ее любимого масла для ванны. А под ним ощущались едва уловимые ароматы дома, уюта и выпечки, которые пропитывали ее одежду. Имоджин выключила планшет и постаралась сосредоточиться на журнале, который взяла в аэропорту. Но все звезды на красной дорожке сливались у нее в одну.

Имоджин очень хотелось хоть как-то отвлечься, закрыться от острой боли, пронзающей ее каждый раз при мысли о бабушкиной смерти. Там, на острове, эта новость казалась просто кошмарным сном, но теперь, в самолете, по дороге в Англию, девушка полностью

осознала невосполнимость и реальность этой утраты. Последнее, что ей было сейчас нужно, это прилюдно расплакаться в самолете, и все же она едва сдерживала слезы. Пытаясь отвлечься, она стала вспоминать последнюю ночь на острове.

— Ты ведь вернешься? — спрашивал ее Люка, прижимая к себе в темной воде. Вокруг них в толще воды плыли яркие, похожие на светлячков существа, излучающие таинственное свечение. В свете луны были хорошо видны его загорелое лицо с твердым ковбойским подбородком и темные, намокшие волосы. Они провели вечер на острове Комодо, в пляжном баре с живой музыкой, а затем, когда Имоджин рассказала, что должна уехать, отделились от группы и пошли на берег.

— Конечно, вернусь, обязательно, — сказала Имоджин и снова поцеловала его. Она не могла не поехать. Но Таиланд стал ее домом, и она была на полпути к завершению своего замысла, связанного с подводными съемками. Добавьте к этому пальмы, белый песок, море, дни на берегу и ночи в объятиях Люка — и все это променять на туманы и дожди Британии? Это даже не обсуждалось.

— Обещай мне, — просил Люка, растянув губы в невеселой улыбке. — Ты ведь не из тех девчонок, которые, вернувшись домой и получив выгодное предложение, бросают бродяг вроде меня — одиноких и с разбитым сердцем. Я такое уже видел. И лишь надеюсь, что я не настолько тупой, чтобы самому так попасться... — он смотрел на нее неуверенно и с такой незнакомой ей прежде робостью, что у нее сжалось сердце от нехорошего предчувствия.

— Послушай, тебе совершенно не о чем беспокоиться, — постаралась уверить она его. — Это всего лишь на две недели. Мне нужно присутствовать на похоронах и немного побыть с отцом и с семьей. А потом я сразу сяду на прямой рейс до Бангкока. Меня никто не сможет удержать, — она потянулась к нему, и их соленые губы слились в поцелуе.

— Возьми-ка вот это, — сказал Люка, наконец чуть отстранившись от нее. Он снял с шеи ожерелье с акульим зубом. — Надень, — сказал он, отводя в сторону ее вьющиеся волосы и накидывая на шею кожаный ремешок, — потом вернешь его мне.

Имоджин улыбнулась и погладила украшение.

— Заметано.

Она провела пальцами по шершавой кожаной полоске на шее и подумала о Люка. Она уже скучала по его теплым нежным рукам. Две недели разлуки казались вечностью.

Конечно, она рада будет снова повидать Анну и родителей — ну, по крайней мере папу, — но при одной только мысли о возвращении домой сердце ее падало. Последний раз она была там, когда окончила университет в Борнмуте и получила степень бакалавра изящных искусств. Разослав восемьдесят резюме и не получив ни одного приглашения на собеседование, она была вынуждена в двадцать два года жить с родителями и терпеть постоянные проверки и придирки матери. В конце концов она поняла, что с нее хватит, пора куда-нибудь сваливать из Англии.

Имоджин два месяца отработала в баре, откладывая с каждой получки немного денег и мечтая вырваться из Льюиса, от вечных вопросов и претензий матери. Как только они с подружкой Люси смогли накопить достаточно денег, чтобы купить авиабилеты до Азии, они сразу же покинули Англию. И хотя Люси через полгода вернулась, у Имоджин даже мысли о возвращении не возникало. Очень скоро у нее на острове появились друзья, в том числе Сантиана, девушка из Колумбии, такая же фанатка подводного плавания, как и она сама.

Сейчас Азия казалась Имоджин бесконечно далеким сказочным миром, не имеющим

ничего общего с тем местом, куда она возвращалась, — маленьким городком Льюисом, где она выросла.

— Вам курицу или пасту? — спросила стюардесса, отвлекая Имоджин от ее невеселых мыслей. Она катила по проходу тележку, нагруженную контейнерами с ланчем.

Имоджин вспомнила ароматный тайский рис с карри, который ела как раз перед тем, как покинуть остров. А на автобусной остановке она выпила вкусный кокосовый напиток на йогурте, так называемый ласси. Имоджин вздохнула. Как же она будет скучать по всему этому.

Она опустила столик.

— Пасту, пожалуйста, — сказала она и взяла поднос и контейнер из фольги.

Имоджин открыла свой рюкзачок в одной из комнат родительского дома, и несколько песчинок упало на лоскутное одеяло ручной работы. Она стряхнула их, чувствуя, как защемило сердце, когда рука коснулась этих квадратиков, сшитых с такой любовью. Она подняла глаза и встретилась взглядом со своей сестрой. Анна первой нарушила мрачное молчание:

— Они тут всюду, вещи, которые о ней напоминают...

— Мне до сих пор кажется, что это не на самом деле, — тихо сказала Имоджин. — Мы приедем в Брайтон, а ее там нет. И кафе-мороженое без нее...

Анна протянула сестре кружку с чаем и ободряюще погладила ее по руке. Ее карие глаза распухли от слез и покраснели, так же как и нос, который она постоянно вытирала платком.

— Я ужасно себя чувствую, — печально сказала Имоджин. — Ведь я год ее не видела, Анна.

Долетающие до них пронзительные крики чаек настойчиво напоминали о том, что они снова вернулись сюда, на южное побережье Англии, в Льюис, в родительский двухэтажный дом постройки восемнадцатого века.

— Не казись, — сказала Анна. — Она всегда очень радовалась твоим звонкам и фотографиям. Она была счастлива слышать, что тебе очень хорошо там, где ты сейчас живешь.

Имоджин почувствовала, как к горлу подкатывается комок.

— Ты, должно быть, совсем вымоталась, — сказала Анна.

— Да, путь был долгим. Но у меня в голове сейчас такой сумбур, — отвечала Имоджин, делая глоток успокаивающего теплого напитка. — Как бабушка выглядела, когда ты видела ее в последний раз?

Анна присела на край кровати и положила на колени подушечку.

— Я была у нее в гостях неделю назад, — сказала она. — И выглядела она хорошо, как всегда. Она не хотела никуда выходить на ланч, сказала, что лучше останется дома, но это не показалось мне чем-то необычным. А ведь я должна была почувствовать, что что-то не так!

— Она всегда выглядела такой молодой, — сказала Имоджин, — по сравнению с бабушками других наших знакомых. И я была уверена, что она будет с нами еще долгие годы.

— Мне тоже так казалось. И это так несправедливо! Папа совсем сломлен, впрочем, ты сама понимаешь.

— Бедный папа, — прошептала Имоджин, прикусив губу. Они едва поздоровались, когда она приехала. На нем просто лица не было от горя.

— Кремация во вторник. Мама тебе говорила?

Имоджин кивнула.

— Да. Пришли мне что-нибудь надеть, ладно? Я никогда не была на таких церемониях, но, думаю, то, что я привезла с собой, едва ли подойдет.

— Ну конечно, — сказала Анна, тепло улыбнувшись и вставая. — Мама сказала, что обед будет готов через двадцать минут. Прими душ и спускайся к нам.

— Да, конечно. — Имоджин взяла аккуратно сложенное полотенце, лежащее на краю кровати. Комната, когда-то бывшая ее спальней, показалась совсем чужой. словно аккуратный номер в домашнем отеле с завтраком. Вместо постеров с ее любимыми музыкальными группами на стенах висели цветочные натюрморты в рамках.

— Хорошо, что ты вернулась, — сказала Анна, нежно обнимая сестру. — Хотела бы я, чтобы ты приехала по другой причине, но все же я очень рада тебя снова увидеть.

— И я тоже, — сказала Имоджин, благодарная за теплоту сестре и немного успокоенная такими родными, знакомыми объятиями.

Имоджин приняла душ, вытерла волосы и надела первую попавшуюся одежду. Она спустилась вниз, прошла мимо кухни, где Анна болтала с матерью и готовила обед. Имоджин постаралась незаметно проскользнуть в гостиную.

Здесь все выглядело так, как она помнила, — все те же фотографии на каминной доске и свежие цветы на столе в вазе. Это была уютная комната, в которой обычно обедали, когда принимали гостей.

Ее отец, Том, сидел в кресле возле стола, обхватив голову руками. Имоджин хорошо помнила его руки — большие и сильные, — помнила, как он поднимал их с Анной, когда они были детьми, подкидывал вверх, сажал на свои широкие плечи. Сейчас отец выглядел совершенно сломленным, казалось, его может сбить с ног легкое дуновение ветерка. Имоджин подошла к нему и положила руку на плечо.

— Как ты, пап, в порядке? — спросила она нежно.

— Да, милая, — сказал он тихо. — А ты? — его светло-голубые, как будто выцветшие глаза смотрели на нее, словно умоляя продолжить разговор. — Тебе все еще нравится твое путешествие?

— Да, там замечательно!

— Я помню, как это здорово, — медленно произнес отец. Но тот азарт, с которым он обычно рассказывал о своих похождениях в бытность хиппи и который Имоджин так хорошо помнила, теперь совершенно исчез из его голоса. — Шестидесятые, только мой мотоцикл да свист ветра в ушах... конечно, тогда я еще чего-то стоил. Путешествовал по Вьетнаму и Лаосу. В те дни все было по-другому...

Его голос затих, а взгляд застыл на белой скатерти.

— Пап, — ласково сказала Имоджин. — Тебе не надо скрывать свои чувства. Мы все очень расстроены.

— Да, вот такие дела, — сказал он, не поднимая глаз. — Ты знаешь, что это однажды произойдет. Обязательно. Когда умер отец, это не было для нас таким шоком: он долго и тяжело болел, и мы были готовы. Но вот сейчас... я никак не думал, что это случится так скоро с мамой. Это просто ужасно.

Имоджин было очень больно слышать муку в голосе отца. В другие времена он открыл бы бутылку вина и с энтузиазмом рассказывал бы ей и Анне о своих последних керамических скульптурах, которые он с таким увлечением лепил в садовой студии-мастерской. Но сегодня у него было совершенно безжизненное лицо, он был похож на собственную тень.

— Она была потрясающей женщиной, — сказала Имоджин, сжимая руку отца. — Нам всем ее очень не хватает.

— Мне уже сейчас не хватает всяких разных милых пустяков, — сказал Том. — Даже тех, которые когда-то просто сводили меня с ума. Например, когда она звонила нам во время обеда, чтобы рассказать, что там случилось в одном из ее любимых сериалов.

— Или как она на Рождество, отправляясь за покупками, проходила мимо дорогих магазинов, делая вид, что их вовсе не существует, — сказала с улыбкой Имоджин.

— Да, правда, — Том тихо засмеялся. — А потом всегда приводила какого-нибудь беднягу на рождественский ужин. Беспризорника или бездомного, которого мы никогда прежде не видели, но которому было просто некуда пойти.

— Точно, — подхватила Имоджин. — Бедная мама никогда не знала, на сколько человек готовить ужин. Помнишь?

— Она всегда так поступала, — кивнул Том. — Даже когда был жив отец. Но он не возражал. Они вместе выросли и не могли друг без друга. И он всегда говорил, что они не стали бы связываться с кафе, если бы не любили окружать себя людьми.

Имоджин понимающе улыбнулась.

— Она не была совершенством, — заключил Том. — Но знаешь, это даже к лучшему!

— Имоджин, ты здесь? — Джен прервала их воспоминания. — Я не слышала, как ты спустилась. — Девушка вдруг ощутила, как неодобрительный взгляд матери скользит по полотенцу, завязанному на голове в виде тюрбана, вытянутой мешковатой футболке и свободным хлопчатобумажным брюкам. — Ты разве не собираешься высушить и уложить волосы, дорогая?

Имоджин пожала плечами, невольно вновь чувствуя себя нашкодившей пятнадцатилетней девчонкой.

— Думаю, сегодня мы будем обедать здесь, — сказала Джен, передавая Имоджин несколько подставок под горячее на стол. — Это все же довольно знаменательное событие — вся семья вновь собралась дома. Я приготовила запеченную говядину и клецки с шалфеем, а твоя сестра сделала крем-карамель на десерт.

— Тебе не стоило беспокоиться, — сказала Имоджин, оглядываясь на отца, который по-прежнему сидел с отсутствующим выражением лица.

— Думаю, мы все сейчас нуждаемся в хорошей пище, — заявила Джен.

Имоджин прикусила язык. Еда всегда была для матери решением всех проблем. Джен вернулась на кухню, а девушка сжала под столом руку отца и почувствовала его ответное пожатие, очень нежное.

Моментом позже Джен вернулась со стопкой тарелок между полотенцами, следом шла Анна и несла в кухонных рукавицах форму для запекания.

— Осторожнее, тарелки горячие, — улыбаясь, сказала Джен, расставляя посуду.

Они с Анной заняли свои места за столом.

— Садитесь, — подтолкнула Джен отца с дочерью, — а то все остынет.

Обед проходил в молчании.

— Можем ли мы соблазнить тебя остаться дома, Имоджин? — спросила мать. — Бизнес здесь начал понемногу оживать, как говорят, пустил новые побеги. Могу поспрашивать у знакомых или найдем тебе какую-нибудь административную работу в агентстве.

Имоджин без всякого аппетита ковыряла вилкой в тарелке, разламывая клецки пополам. Она представила себе работу матери в рекламном агентстве, которое та основала, когда

дочери пошли в школу. Трудно было вообразить более скучный способ проводить время.

— Я приехала только на похороны, мам. Через две недели я возвращаюсь в Таиланд.

Джен вздохнула. Но в следующее мгновение сменила тему допроса.

— Что, там у тебя кто-то есть? — спросила она с надеждой, слегка приподнимая брови.

— Ма-ам... — протянула Анна, как всегда старающаяся оградить сестру от постоянных материнских расследований. — Неужели обязательно...

— Я ведь только спросила, — Джен тут же заняла оборонительную позицию.

— Да нет, все нормально, — сказала Имоджин. Анна с удивлением взглянула на сестру. Это было что-то новенькое. Но Имоджин решила, что честный ответ скорее положит конец материнским расспросам.

— Я действительно встретила кое-кого на острове, но еще рано о чем-то говорить. Посмотрим, что будет, когда я вернусь туда.

Джен опять приподняла брови и кивнула мужу, который продолжал медленно жевать с отсутствующим выражением, едва ли понимая, что он ест, и совершенно не прислушиваясь к тому, о чем говорят его женщины.

— Том, ты слышал? Имоджин нашла кого-то на своем острове!

— В самом деле ничего серьезного, — поспешила возразить девушка, уже жалея о своей откровенности.

— Ну, никогда нельзя ничего знать заранее, — сказала Джен. — Вот я тоже так думала о вашем отце, когда он впервые забрел в нашу булочную.

Сестры обменялись понимающими взглядами. Эту семейную историю они знали прекрасно.

— Мне было всего восемнадцать, и это была моя первая работа здесь, в Льюисе. Я никогда прежде не встречала мужчин на мотоциклах. Но тут появился ваш отец — такой загорелый, красивый, он как раз вернулся из одного из своих путешествий. И я не смогла устоять.

— Кататься по непроходимым дорогам Азии — это еще ничего, — присоединился к разговору Том, — а вот попросить вашу маму проехаться со мной — это было и в самом деле круто!

— И я сказала ему «да». Это было лучшее, что я сделала за всю свою жизнь, — Джен лукаво улыбнулась. — Во всяком случае, поступи я иначе, у меня не было бы вас двоих. Так что, Имоджин, почему бы не пригласить твоего парня к нам в гости?

— Никто из нас двоих не собирается жить в Англии. По крайней мере сейчас, — поспешила ответила Имоджин и, собравшись с духом, добавила в ответ на удивленный взгляд матери: — Я хочу сказать, что сейчас работаю над большим проектом, и мне пришлось прерваться на середине. В этот раз мне действительно повезло, и не хотелось бы все это терять.

— Вот уж действительно дочь своего отца, — заключила Джен. — Творческие мечты — это восхитительно, конечно. Но будь осторожна, Имоджин: ты можешь в конце концов оказаться в художественной студии, полной никому не нужных скульптур, которые годятся только на то, чтобы собирать пыль, — она глухо рассмеялась, а печаль в глазах Тома стала еще заметнее. — Тебе надо подумать о своем будущем, и, может быть, теперь серьезнее, чем когда-либо прежде. Если бы не мое агентство, девочки, не думаю, что мы смогли бы свести концы с концами.

— Неужели так необходимо говорить об этом сейчас, мам, — мягко возразила Анна, —

перед бабушкиными похоронами. Нам всем есть о чем подумать.

— Ну да, конечно, ты права, — Джен заговорила тише и спокойнее, возвращаясь к еде. — К тому же завтра здесь будут твои дядя Мартин и тетя Франсуаза, надо еще многое сделать к их приезду.

— Мы поможем приготовить для них комнату, — предложила Анна, — если тебя именно это беспокоит.

— О, не только, — фыркнула Джен. — Мне же еще придется готовить дополнительно кучу еды. Не только для поминок, но на все то время, что они будут здесь жить. А ты ведь знаешь, какие странные, можно сказать извращенные вкусы у твоей тети Франсуазы.

— Все это совсем не обязательно, Джен, — тихо сказал Том. — Правда.

— На самом деле мне не трудно, даже хорошо, что можно отвлечься. К тому же твой брат... ну, он же не останется здесь жить навечно?

— Разумеется, просто Мартин... Ты ведь знаешь, как это бывает между братьями? Мы можем долго не видеться, но от этого не становимся менее близки.

— Последняя воля миссис Вивьен Макэвой, — начал торжественно зачитывать нотариус.

В офисе наступила полная тишина, даже воздух застыл от напряжения. Нотариус, невысокий мужчина средних лет в темно-сером костюме, сидел за огромным старым дубовым столом, держа в руках завещание бабушки Анны и Имоджин.

За последние два дня члены семьи почти не расставались друг с другом, но здесь, в тесном кабинете на втором этаже нотариальной конторы в Брайтоне, держались несколько отчужденно.

Похороны прошли спокойно. В крематории собралось так много друзей и почитателей Вивьен, желавших отдать ей последний долг, что всем даже не хватило места. В конце погребальной службы к Тому подошел маленький мальчик и сунул ему в руку открытку с нарисованным стаканчиком мороженого. «Она была доброй леди», — сказал ребенок, перед тем как вернуться к матери.

Наконец вся семья и несколько близких друзей отправились в коттедж Тома и Джен в Льюисе на поминки. Слушая, как люди обмениваются историями и воспоминаниями о бабушке, Анна почувствовала некоторое умиротворение, однако она понимала, что отцу это все было совершенно не нужно. Он с трудом выносил толпу, и его единственным желанием было уединиться в своей мастерской, что он в конце концов и сделал во второй половине дня.

На чтение завещания Анна надела черную блузку и простые брюки того же цвета, а длинные темные волосы заплела во французскую косичку. Девушка выглядела собранной и спокойной, хотя вовсе так себя не чувствовала. Из всех сил стараясь не поддаться горю, она достала блокнот и ручку на тот случай, если придется сделать какие-нибудь заметки.

Ее отец в очках с тонкой металлической оправой, которые надевал крайне редко, смотрел прямо перед собой с отсутствующим выражением, а мать что-то искала в своей кожаной сумке. Имоджин рассеянно оглядывала книжные полки, наматывая на палец прядь волос. Кроме них, в комнате присутствовали дядя Мартин и его жена Франсуаза, застывшие в неестественно прямых, напряженных позах.

«Да ладно вам! Выше нос! От судьбы не уйдешь». Анна даже улыбнулась, представив, что сказала бы бабушка, если бы могла их сейчас увидеть.

Что случилось, то случилось, и ничего уже нельзя изменить, сказала себе Анна. И уж тем более не стоит расстраиваться по поводу раздела бабушкиного имущества. Это всего лишь часть неизбежного. Сегодня утром отец сказал, что никуда не пойдет, что ему совершенно все равно, как разделят бабушкино имущество, но Анна в конце концов его убедила, что он должен пойти на оглашение завещания, потому что это последняя воля его матери.

— Миссис Макэвой особо отметила один из пунктов, — продолжал нотариус, переключая страницы документа. Франсуаза чуть наклонилась вперед, всем своим видом демонстрируя внимание. — И это... хм, дальнейшая судьба ее собаки Хепберна.

Анна подавила смешок, вспомнив любимого сосискообразного песика своей бабушки. Она должна была бы догадаться, что для Вивьен благополучие Хепберна будет стоять на первом месте. Ведь они были неразлучны, и верный пес оставался с хозяйкой до самого

конца. Врач «Скорой помощи» сказал, что именно громкий лай собаки привлек внимание соседей, и они позвонили в службу спасения. Сейчас песик спал на диване в доме ее родителей, вялый и ко всему безучастный.

— Миссис Макэвой, — продолжал нотариус, — просит, чтобы Хелберна взяла на свое попечение ее внука Анна, с тем чтобы, — он вновь заглянул в бумаги, — он мог гулять на побережье и получать любимую собачью еду с беконом от фирмы «Dogs 'N' Co» из Хоува.

Анна согласно кивнула. Внешне спокойная, она с трудом подавила панику при мысли о том, как сможет ввести в свою новую жизнь бабушкиного пса. Позволит ли ее босс держать собаку в офисе? И как Джон к этому отнесется?

Что ж, по крайней мере, Элфи будет счастлив, подумала она, вспоминая, с каким восторгом малыш обнимал песика пухлыми ручками, когда впервые его увидел. Так что хотя бы в этом отношении ей не о чем беспокоиться.

— Теперь что касается основного имущества, — продолжал нотариус. Казалось, он почувствовал некоторое облегчение, переходя к оглашению более важной части завещания. — Дом миссис Макэвой с пятью спальнями, расположенный в Хоуве.

Вся семья знала, что этот дом принадлежит Тому и Мартину, которые в нем выросли. Это был викторианский особняк в тихом жилом квартале — с просторными комнатами, высокими потолками и большим садом, который для них был неразрывно связан с воспоминаниями о детстве. Там всегда кипела жизнь, звучали веселые голоса.

Вивьен много лет твердила о том, что ей следовало бы съехать оттуда, найти что-нибудь более скромное. Но Анна чувствовала, что бабушке было бы невыносимо покидать этот дом, который в течение многих лет она делила со своим мужем Стэнли.

— Дом в равных долях отходит к двум ее сыновьям — Тому и Мартину.

Братья переглянулись и дружески кивнули друг другу.

Нотариус поправил пальцем очки, подняв их повыше, и снова уткнулся в бумаги.

— Итак, теперь основные фонды...

Все присутствующие понимали, о чем сейчас пойдет речь. Наманикюренные пальчики Франсуазы принялись теревить жемчужины изысканного колье.

Анна прикусила губу. Пока нотариус рылся в своих бумагах, она вспоминала разговор, состоявшийся сегодня утром за завтраком в доме ее родителей.

— Конечно, расположение кафе не так уж плохо, — произнесла Франсуаза, наливая себе крепкий кофе из кофейника. Еда, лежащая перед ней на тарелке, так и осталась нетронутой. — У него есть потенциал, мне кажется. Надеюсь, Вивьен хорошо подумала, в чьи надежные руки его передать, чтобы этот потенциал мог реализоваться. — Апломб, прозвучавший в ее голосе, не оставлял сомнений в том, кого именно она считает самым перспективным владельцем кафе.

— Да, — произнес Том, несколько мечтательно. — Ну, я не вполне представляю, что бы я стал делать с кафе-мороженым, — добавил он, разбивая ложечкой скорлупу яйца, стоящего перед ним в специальной подставке. — Вряд ли такой бизнес мне подходит. Кроме того, у меня полно забот в мастерской. И мама знает, как занята Джен в своем агентстве. — Том снял с яйца скорлупу и положил ее на край тарелки, при этом руки его предательски задрожали. — Я хотел сказать, мама *знала*...

— Да и мы, конечно же, уезжаем в Париж... — заметил Мартин, намазывая тост маслом.

— Не надо из этого делать проблему, — поспешно сказала Франсуаза, поднося чашечку

с кофе к ярко покрашенным губам. — Мартин, ты ведь знаешь, что я сейчас хотела бы заняться каким-нибудь небольшим проектом. Возможно, это как раз то, что мне нужно. Я, конечно, имею в виду, что сначала мы должны узнать, что решила сама Вивьен... но будем надеяться, что в этом вопросе она проявила больше здравомыслия, чем когда сама вела дела в этой своей кафешке.

Франсуаза выглянула из окна уютной английской кухоньки.

— Приезжая сюда, я все время утверждаюсь в мысли, что на южном побережье неизбежно будет пользоваться успехом что-нибудь изысканное и дорогое. Скажем, ресторан с высокой французской кухней. Пожалуй, я могла бы заняться этим.

Имоджин насмешливо взглянула на Анну, чуть приподняв бровь. Их бабушка — по-своему очень элегантная — всю жизнь была фанатом домашних обедов и в выходные предпочитала полакомиться фиш-энд-чипс^[2]. Поэтому трудно было даже вообразить, как она переступает порог модного ресторана.

И теперь, в конторе нотариуса, сестры вновь переглянулись, с волнением ожидая новостей.

— Итак, — продолжил нотариус, — что касается принадлежавшего миссис Макэвой торгового помещения в Гранвилль Арчез в Хоуве, в котором в настоящее время располагается магазин-кафе и которое используется для продажи мороженого и безалкогольных напитков...

Анна старалась не принимать близко к сердцу холодное, бездушное описание места, где прошли ее детство и юность. В конце концов, нотариус просто делает свою работу. Но кафе по адресу Сансет, 99, принадлежавшее ее бабушке Вивьен, означало гораздо больше, чем просто «торговое помещение... которое используется для продажи мороженого». Несравнимо больше! Еще в пятидесятые годы, когда Том и Мартин были маленькими, этот магазин-кафе стал осуществлением мечты Вивьен, способом выжить, делом всей ее жизни, которое она начала вместе с мужем Стэнли и продолжила после его смерти.

И сейчас, во время этой невыносимо затянувшейся паузы в конторе нотариуса, Анна почувствовала, как тревожно забилося сердце от странного предчувствия.

— Миссис Макэвой завещает свой магазин-кафе... — в конторе повисла напряженная тишина, — своим внукам, Анне и Имоджин Макэвой, в равных долях. А также оставляет им определенную сумму денег на начальные расходы для развития бизнеса.

— Боже, — Имоджин выпрямилась и широко открыла глаза от изумления. — То есть я хотела сказать... но боже мой, нет, серьезно, Анна! — Она повернулась к старшей сестре: — Что мы, черт возьми, будем делать с этим кафе? Она об этом подумала?

Анна молча переваривала информацию. Она была настолько уверена, что кафе, как и все остальное имущество бабушки, достанется их отцу или дяде, что оказалась не готова к такому повороту. Одно дело присматривать за Хепберном, но отвечать за дела в семейном бизнесе... Это совсем-совсем другое!

— Ваша бабушка оставила вам записку, — сказал нотариус, переворачивая пачку с документами, чтобы вернуться к началу, и взял розовый листок, пришитый к папке. Он кашлянул, прочищая горло, и продолжил: — Она написала: «Я знаю, что совсем отстала от жизни, но вы те самые юные леди, которые смогут придать нашему кафе современный стиль. Поэтому кафе ваше. Это наш семейный бизнес. Я уверена, вы сделаете все правильно и я буду вами гордиться».

— Кроме того, она оставила вам альбом с фотографиями, — продолжал нотариус, передавая Анне тяжелый черный альбом с золотым тиснением. — Что касается кафе, то мы

позже обговорим с вами все детали, вы должны будете прийти еще раз — подписать документы и забрать ключи.

Анна взяла альбом. Она была настолько ошеломлена, что сначала почти ничего не чувствовала. И вдруг горячая волна паники затопила ее, отразившись, как в зеркале, в глазах Имоджин.

После встречи в конторе нотариуса они все вернулись в дом Вивьен и расположились в гостиной. Анна огляделась: вот большие напольные дедушкины часы, персидский ковер, черно-белые фотографии в рамках — все было так же, как и в тот раз, когда она заходила к бабушке неделю с небольшим тому назад, но теперь здесь все неуловимо изменилось, потому что Вивьен навсегда покинула этот дом.

Джен с чувством исполненного долга заварила чай в драгоценном бабушкином чайнике с лютиками, и Анна разнесла всем присутствующим чашки с горячим чаем и домашнее имбирное печенье на тарелочках.

— Как-то это немного странно, — сказал Том, откинувшись на спинку темно-зеленого бабушкиного кресла, стоящего возле камина.

— Это будет совсем нелегко, девочки, — сказала Франсуаза, оглядывая племянниц недовольным взглядом. Она стояла возле окна, держа на весу чашку с блюдцем. Поджатые губы лучше слов выдавали ее настроение. — Вам лучше бы продать это кафе.

Дядя Мартин согласно покивал головой, а затем добродушно добавил:

— Разумеется. Если только вы не захотите сами заняться этим бизнесом. Правда, Имоджин?

— Меня не спрашивайте, — сказала Имоджин с набитым печеньем ртом, отчаянно трясая головой. — Через десять дней я собираюсь назад на мой остров.

— А ты что скажешь, Анна? — спросил Мартин. — Думаю, прежде всего надо подумать о квартире, которую ты только что купила. Ведь за нее надо выплачивать кредит. Сейчас у тебя надежный заработок. Но если ты займешься кафе, все может измениться.

Анна положила в чай ложечку сахара и вежливо кивнула. Она недавно получила должность директора по маркетингу в Брайтонском королевском павильоне и наконец-то начала получать очень приличную и стабильную зарплату. Она хорошо отдавала себе отчет в том, как ей повезло: сфера искусства переживала сейчас не лучшие времена. И все же после семи лет работы и уймы потраченного на встречи и бесконечные электронные письма времени, возможно, пришло время что-то изменить в своей жизни. Она едва ли раньше задумывалась об этом, но разве она не мечтала всегда, с раннего детства, заниматься чем-то связанным с кулинарией?

— Конечно, Мартин прав, — сказала Джен, возвращая Анну к реальности. — Я хочу сказать, что это очень ненадежное дело, не так ли, дорогая? Содержать магазин-кафе, особенно в наши непростые для бизнеса времена. — Том молча пил чай, никак не реагируя на слова Джен. — И я думаю, мы все прекрасно знаем, что ваша бабушка уже давно едва сводила концы с концами. Магазин не приносил ей никакой прибыли.

Анна вспомнила, как последний раз заходила на Сансет, 99. Да, мама была права. Это уже не было то любимое в детстве кафе, которым она когда-то мечтала заправлять. Оно превратилось в обшарпанную забегаловку, куда почти не заглядывали посетители. Слишком трудно будет справиться со всем этим одной, не имея никакого опыта в таких делах.

— Я сейчас, только принесу стакан воды, — сказала Анна, поднимаясь и выскальзывая на кухню. Имоджин последовала за ней и схватила сестру за локоть.

— Послушай, я не удивлена, что ты хочешь избежать этого разговора. Не позволяй им третировать себя, сестренка. Но только скажи, что ты на самом деле обо всем этом думаешь?

— Не знаю, честно, — задумчиво сказала Анна, прислоняясь к крышке холодильника.

— Ну, в любом случае мне нужно выпить, — заявила Имоджин, роясь в бабушкином баре. — Ты что-нибудь решила?

— Мне нужно время подумать. Я хочу сказать, что, конечно, ужасно тронута тем, что бабушка Ви оставила все это нам. Но такая ответственность... Что мы обе знаем о том, как вести дела в кафе-мороженом?

— Я в этом полный ноль! — призналась Имоджин, доставая бутылку с черри бренди и наливая в рюмку. Она вопросительно взглянула на сестру, но Анна покачала головой:

— Нет, спасибо. Похоже, эту бутылку не открывали последние десять лет.

Имоджин сделала глоток и поморщилась, подтверждая подозрения сестры.

— Я это повторяю с самого начала — такое дело не по мне. И ты тоже не должна париться. Мы не обязаны братья за это совершенно чужое для нас дело только потому, что она оставила нам его в наследство. В конце концов, ты ведь не для того получила свою новую шикарную работу, чтобы вот так все бросить.

Анна шутливо пихнула сестру в бок кулаком.

— Она не шикарная. Просто мне она подходит, и я неплохо справляюсь.

— Да ладно, это я просто завидую, ты же понимаешь, — сказала со смешком Имоджин. И уже серьезно добавила: — Ты сейчас на подъеме. Не хочешь же ты все это потерять?

Сейчас здесь, в доме Вивьен, где на холодильнике все еще висели ее любимые рецепты, припиленные магнетиками, а на подоконнике стояли близкие ее сердцу безделушки, Анне было трудно избавиться от ощущения, что бабушка слышит все, о чем они говорят.

— Не находишь, что она становится все стервознее? — спросила Имоджин, кивнув в сторону гостиной.

— Кто, мама?

Имоджин рассмеялась.

— Нет, не мама, конечно. К ее нападкам я давно уже привыкла. Я говорю о *Мадам*, которая там сидит, — она заговорила шепотом, который, однако, звучал ничуть не тише ее обычного голоса. — О *Франсуазе!*

— Тсс, — шикнула на нее Анна. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Она действительно очень хочет заполучить наше кафе.

— Она довольно прямо дала нам это понять, — Имоджин глотнула бренди. — А ты видела, как загорелись ее глаза, когда она заговорила об идее этого французского ресторана? Кстати, она говорила так, будто кафе уже принадлежит ей.

— Это точно! — прошептала в ответ Анна. — Но ведь мы с тобой знаем, как бабушка отнеслась бы к этому предложению. Это определенно не то, что она одобрила бы. И потом, ты не думаешь, что вилла в Дордоне и квартира в Париже — достаточные основания для Франсуазы и Мартина, чтобы осесть во Франции? Зачем ей это кафе?

— Ну, может быть, у нее шило в заднице? — предположила Имоджин. — В любом случае, почему бы нам с тобой не сходить на набережную и не посмотреть, как там обстоят дела? Конечно, если ты не против приютить меня на пару ночей. Мне и вправду любопытно побывать снова в бабушкином кафе. Так сказать, свежим взглядом посмотреть на бриллиант, который она нам оставила.

— Конечно, останавливайся, посмотришь мою новую квартиру, увидишь Джона,

пообщаешься с Элфи. Но что касается кафе... давай считать, что это алмаз, который еще нуждается в тщательной обработке.

Имоджин покрутила ручку настройки, нашла любимую радиостанцию и увеличила громкость до максимума. Знаменитая песня Боба Марли «Stir it Up» взорвалась в динамиках, на мгновение оглушив Анну. В этот субботний вечер сестры возвращались в Брайтон. Анна сильнее сжала руль и поморщилась.

— Зачем так громко, Имо? Мне трудно сосредоточиться на дороге. И мне кажется, что Хепберну это тоже не нравится.

— Моя дорога-а-ая! — подпевала Имоджин Бобу Марли. Она открыла окно и потрепала Хепберна по широкой спинке. На одно мгновение, когда ветер, ворвавшийся в машину, разметал ее волосы, ей показалось, что она снова на своем любимом острове. Ритмичная музыка в стиле регги унесла ее в воспоминания о последней ночи в объятиях Люка. Она не видела его меньше недели, но ей казалось, что прошла целая вечность. Девушка не могла дождаться, когда сможет поговорить с ним хотя бы по скайпу.

Имоджин оглянулась и увидела поравнявшийся с ними фургон для перевозки лошадей.

— Анна, поднажми! А то нас сейчас обгонит пара лошадей!

Анна машинально нажала на газ, и стрелка спидометра перевалила за шестьдесят километров.

— По крайней мере, — заявила Имоджин, — будет приятно оказаться в Брайтоне до ужина.

Имоджин стояла на лестничной площадке возле квартиры Анны с рюкзаком за спиной и Хепберном под мышкой и ощущала некоторую неловкость. Благодаря тому, что она постоянно подгоняла сестру, они доехали до Брайтона за рекордно короткий срок — тридцать пять минут.

— Я скучал по тебе, — сказал Джон, притянув к себе Анну и нежно ее целуя.

Имоджин стояла молча, не желая мешать встрече влюбленных после недолгой разлуки, однако Хепберн не был столь деликатен и напомнил о себе громким пронзительным лаем.

Джон отстранился, чуть озадаченно переводя взгляд с Имоджин на пса.

— Имоджин! — Он подошел к ней и чмокнул в щеку. — Я тебя сразу не заметил.

— Привет, Джон, — сказала девушка с улыбкой. — Рада тебя видеть.

— Имоджин поживет у нас несколько дней, — пояснила Анна. — Надеюсь, ты не возражаешь. И еще, по поводу собаки... в общем, мне нужно кое-что пояснить.

— Хорошо, — Джон чуть хмурясь смотрел на Хепберна, который энергично крутился и прыгал у ног.

Джон был пострижен короче, чем Имоджин помнила, и его баки незаметно переходили в трехдневную щетину. Но в целом он показался ей гораздо спокойнее, что, впрочем, неудивительно: ведь когда она видела его перед своим отъездом, Джон все еще занимался разводом.

— А мы с Элфи приготовили пиццу, — сообщил он, приглашая сестер пройти в кухню. — У нас осталось тесто, так что мы сейчас сделаем для вас еще одну.

— Звучит замечательно, — одобрила Анна. Она прошла в холл и бросила на пол сумки. К ней подбежал Элфи, девушка подхватила его на руки. — Привет, солнышко! Как я рада тебя видеть!

— Пицца! — радостно закричал Элфи. — Я и папа приготовили пиццу!

— Прекрасно, мой милый. — Анна опустила малыша на пол и, взяв его за ручку, пошла в кухню.

— В завещании бабушки Ви было несколько сюрпризов, — начала объяснять она Джону. — По крайней мере для нас с Имоджин. Представляешь, она оставила нам Сансет, 99.

— То есть ты хочешь сказать, что вы получили в наследство кафе-мороженое? — спросил Джон, отправляя пиццу в духовку.

— Совершенно верно, — кивнула Анна, присаживаясь на свое место около окна, — а также, как ты успел заметить, собаку.

— Ура! — закричал Элфи, выпрямляясь на своем высоком стульчике. — Собачка! Мороженое!

— О боже! Два волшебных слова сразу! — засмеялся Джон, в притворном ужасе хватаясь за голову. — Да, собака у нас теперь есть. А мороженого нет, уж извини, Элфи, зато сейчас будет вкуснейшая пицца на ужин.

Джон достал пиццу и начал разрезать ее на куски.

— Элфи любит пиццу, — важно заявил малыш.

Имоджин протянула мальчику небольшой кусочек, подув на него, чтобы быстрее остыл. Мороженое на время было забыто.

— Бабушка хотела, чтобы мы с Имоджин начали заниматься кафе. Они с дедушкой Стэнли основали его еще в пятидесятые годы, и она мечтала, чтобы оно осталось в семье.

Джон терпеливо ее слушал.

— Честно говоря, я еще не до конца переварил тему собаки, но продолжай, пожалуйста, я весь внимание!

— Извини, пожалуйста, что не поговорила с тобой насчет Хепберна, прежде чем тащить его сюда, — тихо сказала Анна, глядя на чересчур возбужденного Элфи. — Но бабушке Ви было так важно, чтобы он остался в Брайтоне. Это было ее условие.

— А насчет кафе тебе совершенно не о чем беспокоиться, — сказала Имоджин. — Я собираюсь вернуться в Таиланд, а Анна останется на своей работе.

— Ну, так или иначе, — поспешно добавила Анна, — мы все равно собираемся завтра наведаться в кафе. Имоджин хочет посмотреть, в каком оно состоянии.

— В довольно плачевном, насколько я могу судить по нашему прошлому визиту, — отозвался Джон. — Как я понял, вы собираетесь его продать?

— Да, — кивнула Имоджин.

Анна колебалась. Стоит ли сразу сдаваться, даже не рассмотрев возможность сохранить кафе как семейное предприятие?

— На самом деле, — ответила она, — мы еще не решили окончательно, как нам следует поступить.

* * *

На следующее утро, в воскресенье, Имоджин и Анна отправились на набережную. Солнце окрасило в оранжевые тона легкие перистые облака и перевернутые лодки, лежащие в ряд на берегу. Волны лениво накатывались на пляж, оставляя на гальке клочки серой пены. Ударяясь о мачты вытасненных на берег суденышек, корабельные снасти звенели на ветру, словно тысячи колокольчиков. Чуть вдалеке стояла группа мужчин с удочками, они тихо

переговаривались, любясь волнами, сверкающими в лучах восходящего солнца. Справа от них темнели руины обугленного Западного пирса.

Кафе по адресу Сансет, 99, располагалось под одной из Грэнвиллских арок, сразу за рядом живописных пляжных домиков. Над тяжелыми металлическими жалюзи висела вырезанная из дерева массивная вывеска нежно-розового цвета, на которой была нарисована вазочка с разноцветными шариками мороженого. Район Грэнвиллских арок был не таким популярным, как те, что лежали ближе к Брайтону, отметила Имоджин. Здесь не было оживленных толп туристов, гуляющих по Брайтонскому пирсу и заглядывающих в маленькие кафе вокруг него, где продавали пончики и знаменитый фиш-энд-чипс. Вместо курортной публики здесь были местные парнишки, которые катались на скейтбордах, выделывая всевозможные трюки и громко гремя колесами по плитке, да редкие владельцы собак, выгуливающие своих четвероногих питомцев. Имоджин оглядела другие магазины, расположенные поблизости: сувенирный с надувными игрушками, матрасами и почтовыми открытками, выставленными на стендах снаружи, журнальный киоск, открытый дверной проем с большой желтой вывеской, рекламирующей уроки серфинга, около которого вдоль стены выстроились доски.

Анна повернула ключ в всячем замке, фиксирующем металлические жалюзи на двери бабушкиного кафе-магазина, а затем попыталась поднять их. Имоджин наклонилась, чтобы помочь сестре.

— Боже, какие же они тяжелые. Как бабушка справлялась с ними одна? — выдохнула Имоджин, с трудом выпрямляясь.

— Вообще-то она была не совсем одна, — заметила Анна. — У нее была помощница, Сью, и я думаю, что ее подруга Эви часто помогала ей, — Анна кивнула на магазин сувениров. — Ты помнишь, бабушка ведь завещала ей кое-что из своих драгоценностей, тот золотой кулон с рубинами, который всегда носила. Думаю, они были очень близки с Эви.

Имоджин нырнула под жалюзи и с любопытством заглянула внутрь через стеклянную дверь. Ее неприятно удивил грязный пол в черно-белую шахматную клетку, засыпанный нераспечатанными письмами, какими-то листками и обертками от леденцов.

— Ничего себе, какой тут беспорядок!

Анна тоже наклонилась посмотреть, что имеет в виду ее сестра.

— Боже, — только и сказала она.

Наконец металлические жалюзи были со скрипом подняты и закреплены. Анна достала другой ключ, открыла стеклянную дверь, и девушки неуверенно зашли внутрь.

Мраморная стойка была усеяна листочками с меню и чеками — все выглядело так, словно по кафе пронесся небольшой ураган. Имоджин вспомнила, как они с сестрой девчонками частенько заглядывали сюда, чтобы выпить молочный коктейль — тогда зеркала на стенах сверкали, отражая яркий свет люстр... теперь зеркала стали темными, тусклыми, с черными пятнами отслоившейся амальгамы.

— Разве ты не говорила, что магазин закрывался всего на две недели? — спросила Имоджин. Она открыла одну из витрин-морозильников и тут же сморщилась от гадкого запаха прогорклого молока и сырости. — Ну ничего себе, — воскликнула она после краткого осмотра. — Здесь все протухло, а на дне полно плесени.

— Когда бабушка взяла отпуск, за магазином какое-то время присматривала Сью. Судя по всему, она не слишком утруждалась, — сказала Анна, испытывая острое чувство вины. — Она должна была бы знать, насколько плохи были дела. Возможно, она смогла бы помочь,

если...

Имоджин заметила на стойке аппарат для мягкого мороженого.

— Помнишь, — спросила она, — как мы лакомились им, когда прибегали сюда летом во время каникул?

Анна подошла к сестре, провела рукой по панели старого металлического друга.

— Выглядит почти так же, как и в лучшие времена. — Она нажала кнопку подачи мороженого. Но вместо белых аппетитных колец холодного лакомства машина выплюнула грязную воду. Сестры переглянулись с одинаково скорбным выражением на лицах.

— Я не была здесь какое-то время, — сказала Анна, — но бабушка никогда бы не позволила довести кафе до такого состояния. Думаю, когда Сью начала ей помогать, она стала бывать здесь все реже и реже и старалась не замечать, как на самом деле идут дела. Возможно, уже тогда она чувствовала себя неважно.

— Разве она ничего не говорила о том, в каком состоянии находятся дела? — спросила Имоджин, пролистывая гроссбух возле кассы.

— Очень немного, она обычно предпочитала расспрашивать о том, как дела у нас. Она упоминала о других владельцах здешних магазинчиков — Эви и молодом парне Финне, которые иногда ей помогают, но о самом бизнесе — нет, почти ничего. Но уверена, кафе никогда не оказалось бы в таком состоянии, если бы она сама им занималась. Ты ведь знаешь, какой прекрасной хозяйкой она была и как дорого было ей это кафе, — добавила Анна, через силу улыбаясь.

— Да, она гордилась своим кафе, — тихо сказала Имоджин, проводя пальцем по столешнице. Палец стал черным. — Бедная бабушка Ви. Тут все очень изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз.

— Да, согласна, здесь много работы, — сказала Анна. Она была внешне спокойна, но глаза тревожно блестели. — По крайней мере, здесь сохранилось все самое важное, — она показала на стенные светильники, на стулья, поднятые ножками вверх. — Мы все приведем в порядок, правда? Сохраним ретростиль и добавим немного современности.

Анна зашла за стойку.

— Уверена, здесь можно найти много всяких замечательных антикварных безделушек, спрятанных там и тут. — Она открыла одну из полок. Имоджин услышала, как звякнули тарелки, падая на пол. — Разумеется, потребуется концептуальный подход, — голос Анны звучал глухо из недр шкафа, куда она пыталась засунуть упавшую посуду. Она поднялась на ноги. Прямо над ней на стене висела черная грифельная доска, на которой писали меню. Анна прочитала надпись, сделанную пастельным карандашом:

«Фирменные оладьи Вивьен и ванильное мороженое с шоколадным соусом».

Анна замолчала на несколько минут, затем сказала с воодушевлением:

— Представляешь, Имо, мы сможем делать блинчики с ореховой начинкой, и шоколадное мороженое, и сливочное мороженое со свежими фруктами и карамельным соусом, фруктовый шербет и свежавыжатые соки...

— Слушай, эта доска вот-вот упадет! — прервала ее Имоджин.

— Правда? — Анна взялась за край, но тяжелая доска угрожающе закачалась на крюке, действительно готовая упасть. Анна придержала ее и отошла на безопасное расстояние. — Да, пожалуй, ты права.

— Послушай, сестренка, мне нравится, что ты пытаешься относиться ко всему этому с

оптимизмом, но давай будем честными. Это место находится в плачевном состоянии, забито всякой рухлядью — потребуется бог знает сколько времени, чтобы привести его в порядок и начать полноценно использовать.

— Я знаю, — сказала Анна, чувствуя, что проиграла. — Но... — продолжила она, положив руку на конторку, — я чувствую, что это кафе — часть меня. А ты разве нет?

— Ты просто очень сентиментальна, — сказала Имоджин.

На улице принялся моросить дождь, и по полу возле открытой двери застучали капли. Имоджин, обутая в кроссовки, прошлепала ко входу и плотно прикрыла ее.

— Не пойми меня неправильно, Анна. У меня тоже сохранились счастливые воспоминания об этом месте, и я знаю, как много значило оно для бабушки и для отца. Но некоторые вещи лучше оставить в прошлом. У меня сейчас совсем другие планы. Для того чтобы превратить это место в процветающее заведение, нам нужно быть круче, чем Мэри Портас^[3]!

Анна заложила за уши выбившиеся пряди каштановых волос и принялась складывать бумаги и чеки в аккуратную стопку. Молча она собрала разбросанные карандаши, блокноты для заказов и положила их рядом, корешок к корешку.

— Пожалуйста, не дуйся на меня, Анна. Я знаю, что тебя это огорчает, но дело в том, что я не хочу торговать мороженым в скучном, промозгом, сыром Брайтоне. Я хочу вернуться на остров — к морю, пальмам, снимать рыб и кораллы... — голос Имоджин чуть потеплел. Она кивнула на пол, заваленный обертками от шоколадок. — А ты? Это что, твоя великая мечта? Разве ты делала карьеру в маркетинге со студенческой скамьи, чтобы торговать мороженым и всю жизнь мыть здесь полы?

— Полагаю, что нет, — сказала Анна, закусив губу. — И я уж точно не смогу справиться с этим одна. Но какой у нас выход? Продать кафе абсолютно чужому человеку, проигнорировав и последнюю волю бабушки, и ее искреннее желание оставить кафе в семье?

— Совсем не обязательно продавать чужим людям, — Имоджин пожала плечами.

Анна нахмурилась.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду...

— Тетку Франсуазу, вот именно, — ничуть не смутившись, подтвердила Имоджин. — Я всего лишь стараюсь быть реалистом. Разве не стоит об этом подумать?

Нельзя сказать, что Имоджин совсем не испытывала эмоций. Разумеется, ей тоже было больно от мысли, что любимое детище бабушки Ви достанется такому человеку, как Франсуаза. Но она была слишком молода, чтобы связать себя обязательствами, ограничивающими ее свободу, поэтому старалась отбросить от себя эти мысли.

— Ты себе не представляешь! — говорила Имоджин Люка вечером того же дня, связавшись с ним по скайпу. Она ближе придвинулась к ноутбуку, чтобы он мог лучше слышать ее в шумном прибрежном кафе.

— Что именно? — спросил он, лениво улыбаясь и затягиваясь самокруткой. Имоджин вглядывалась в изображение, стараясь сохранить эту картину в памяти: Люка с голым торсом, загорелый до черноты, с двухдневной щетиной, темными длинными волосами. Она соскучилась по нему, но мысль о том, что их разлука близится к концу, делала ожидание мучительно сладким. Да, скоро она вернется на остров! Имоджин почувствовала, как ее наполняют радость жизни и энергия. Она снова становилась самой собой.

— Всего через неделю я снова буду на Ко-Тау! — воскликнула она, не пытаясь сдержать радостного возбуждения.

— Правда? — сказал он, лукаво усмехнувшись. — Это просто фантастика! Но неделя — это все равно очень долго. Не могу дождаться тебя, малыш.

— Ну ничего! Это не так долго. Я вылетаю в следующий вторник.

— Здорово! — лениво протянул Люка со своей обворожительной улыбкой. Имоджин прикусила губу — ух, до чего же он сексуальный. Она могла пережить все на свете — даже пребывание на дождливом, продуваемом всеми ветрами южном побережье Англии, — зная, что совсем скоро окунется в ласковые волны тропического моря, а потом теплые руки Люка намажут ей спину лосьоном для загара.

— Я лечу до Бангкока, затем еду автобусом до города Чумпон, а потом на пароме до острова. Так что на Ко-Тау буду в четверг. Скажи всем, чтобы готовились меня встречать!

— Непременно, — кивнул Люка все с той же улыбкой. — Комитет по встречам все организует в лучшем виде.

— Звучит заманчиво! — сказала Имоджин, чувствуя, как кусочек ее жизни встал на свое место во вселенской головоломке. Остаться в Брайтоне из-за чувства вины или долга перед бабушкой было бы неправильно. Теперь она это ясно видела. — А что ты делаешь сегодня вечером? — спросила она.

— Сегодня на берегу намечается вечеринка, и кое-кто из нас туда пойдет, — сказал он, лукаво подмигивая.

Имоджин попыталась подавить чувство зависти и даже некоторой ревности. Ничего, совсем скоро она вернется, и все встанет на круги своя.

— Ну, а ты? — спросил он.

— А мы собираемся пойти выпить с Анной и ее подругой Джесс, — сказала она. — У нее свадьба через неделю, и им надо обсудить последние детали. Я знаю Джесс со школы, так что собираюсь немного поучаствовать в этом мероприятии.

— Развлекайся. А я буду ждать твоего возвращения, — сказал он.

— Спасибо. Не могу больше говорить. Пока, Люка, — она послала воздушный поцелуй и с неохотой отключила скайп. Ей хотелось всегда видеть его лицо перед собой.

Имоджин открыла Фейсбук и запустила сообщение:

«Еще одна неделя в туманной и дождливой Британии, и я возвращаюсь на солнечный берег! Приберегите для меня место под пальмами!»

— Может, повторим? — улыбаясь, спросила Имоджин парой часов позже. Она подняла пустую бутылку из-под белого вина и покачала ею, привлекая внимание бармена.

Джесс, Имоджин и Анна кутили в районе Лэйнз, в тихом, освещенном тусклым светом свечей уголке бара «Смоуки Джо», который славился вежливыми официантами и легендарным музыкальным автоматом. Даже поздним воскресным вечером здесь яблоку было негде упасть.

— Ты потрясающе выглядишь, Имоджин, — сказала Джесс. — Думаю, ты единственная женщина в Брайтоне с такой изумительно загорелой кожей. Ты все еще без ума от Таиланда?

Имоджин до сих пор было трудно осознать, что эта Джесс, успешный юрист, элегантная дама в красном платье, — та самая странная девочка, сдвинутая на готической культуре. Когда-то они с Анной были неразлучны, как сиамские близнецы. Самое главное — Джесс и Анна повзрослели и больше не избегали компании Имоджин, секретничая и шушукаясь по

углам.

— Да, конечно! — воскликнула Имоджин. — Мне, конечно, очень приятно было увидеть Анну и всех остальных, но...

— Не уверена, что смогу когда-нибудь сюда вернуться, — закончила за нее Анна с театральным вздохом.

— Ладно, прошу прощения, — сказала смущенно Джесс, когда бармен вновь наполнил их бокалы из запотевшей бутылки, — если бы я знала, что так случится, я бы обязательно прислала тебе приглашение на свадьбу.

— Да ладно, не парься, — воскликнула Имоджин, успокаивая подругу. — Я сама не знала, что придется вернуться домой на этой неделе.

— Все равно приходи на свадебную вечеринку, — предложила Джесс, — Анна знает все подробности. Эд и я будем рады тебя увидеть.

— Звучит неплохо, — сказала Имоджин, радуясь хоть какому-то развлечению. В ее планы на оставшееся время входила в основном помощь отцу и дяде Мартину. Нужно было разобраться с бабушкиными вещами и подготовить имущество к аукциону. Это была, без сомнения, мучительная задача, но Имоджин понимала, что отец нуждается в моральной поддержке со стороны дочерей.

— Итак, — произнесла Джесс, подчеркивая что-то карандашом в лежащем перед ней списке. — За тобой по-прежнему кексы, да, Анна?

— Да, вот об этом я и хотела поговорить, — сказала Анна.

На лице будущей невесты появились признаки паники. Джесс относилась к тем белокожим англичанкам, которых принято сравнивать с английской розой: малейшее волнение окрашивает их щеки в нежно-розовый цвет.

— Но ведь ты обещала! — в голосе Джесс прозвучало неподдельное отчаяние. — Ради бога, не пугай меня Анна!

— Не беспокойся, — Анна успокаивающе положила руку на ладонь подруги. — Я лишь хотела убедиться, что ты остановилась именно на кексах. Я тут подумала... Знаешь, кексы все же несколько приелись, согласна? Как-то я готовила такие маленькие вафельные рожки с мороженым. — Она показала на пальцах, какого размера и формы было это лакомство. — Необыкновенно вкусно! Правда, внутри не совсем мороженое, а такой холодный шоколадный мусс, но обещаю, они будут таять во рту. К тому же сейчас лето и такой десерт будет очень кстати.

— Одобряю, — заявила Джесс с видимым облегчением. — Здорово! Простите за истерику, это все из-за неприятностей, случившихся на этой неделе.

— Доверься мне, — сказала Анна. — Я не подведу. Ты ведь мне pomoжешь, Имо?

— Конечно, — кивнула Имоджин. — А что, будет прикольно. У тебя свадьба ведь в субботу, да?

— Уже в субботу! — с наигранным отчаянием воскликнула Джесс и сама же рассмеялась. — Всего три дня осталось. Ярываюсь между восторгом и слепым тошнотворным ужасом. Но слава богу, я хотя бы не сомневаюсь в том, что хочу выйти за Эда. Хоть в чем-то я уверена.

— А что случилось на этой неделе? — спросила Имоджин

— Да все эта туристическая компания. Мы собираемся ехать на Антигуа в свадебное путешествие. А в новостях услышали, что у нашей туркомпании финансовые затруднения. И они теперь не отвечают ни на мои звонки, ни на электронные сообщения.

— О боже! — посочувствовала Анна. — У вас есть страховка?

— Даже не знаю. Всем занимался Эд, а я его не спрашивала. Нам и так хватает забот со свадьбой. Так что остается только скрестить пальцы и надеяться на лучшее.

— Не волнуйся, все обойдется, — сказала Имоджин. — Всегда в последний момент случаются одна-две мелкие неприятности.

— Надеюсь, ты права, — вздохнула Джесс. — Мы с Эдом ждем этого отпуска с прошлого года. И если честно, после всей нервотрепки со свадьбой нам эта поездка просто необходима, — закончила Джесс и сделала несколько быстрых глотков. Она явно нервничала. — Анна, я хотела спросить — ведь у тебя сейчас все в порядке в отношениях с Мией? Знаю, что это не слишком хорошая идея, но мы не могли ее не пригласить.

Мия... Имоджин попыталась вспомнить, где она слышала это имя.

— Я имею в виду, что она и Эд все еще друзья, — продолжала Джесс. — Мы знаем, что она поступила отвратительно, изменив Джону — да еще когда Элфи был совсем крошкой, — но Эд не хотел принимать ничью сторону. Джон, кажется, не против ее присутствия.

— Разумеется, не против, — отозвалась Анна холодно. — Я довольно часто ее вижу, когда мы забираем Элфи, и она всегда мила с нами. Это ваш с Эдом праздник, и вы можете приглашать кого хотите.

— Ну что ж, замечательно, — сказала Джесс. — Надо признать, вы трое ведете себя как разумные взрослые люди.

— Если мы желаем Элфи добра, это неизбежно, — Анна улыбнулась. — Мы просто хотим, чтобы у него все было хорошо. Я знала с самого начала, что встречаться с Джоном, пока он в процессе развода, не совсем честно с моей стороны, но я действительно его полюбила. Какое счастье, что мы с ним встретились!

— Ты права, — кивнула Джесс. — Джон — порядочный парень. А что касается развода — у кого из нас нет груза проблем за плечами? Я до сих пор не могу поверить, что у вас с ним все серьезно, что вы стали жить вместе. Это замечательно. До того как он встретил тебя, он был твердо уверен, что ему следует избегать женщин и каких-либо обязательств по отношению к ним. Я даже сомневалась, стоит ли вас знакомить. Но похоже, ты заставила его передумать, и вы оба теперь выглядите такими счастливыми.

— Так оно и есть, — сказала Анна. — И вы с Эдом определенно заработали свои очки по части сватовства. Что там еще у тебя в списке?

— Смотри не пожалей, что спросила, — засмеялась Джесс, вытаскивая толстую записную книжку.

— Я встала рано, чтобы заняться муссом, так что все уже готово, — сказала Анна сестре утром в день свадьбы. Она показала на огромную миску со взбитым шоколадным муссом на кухонной стойке. — Нам осталось только приготовить вафельные рожки.

— Му-усс, — с восторгом повторил Элфи, сидя на своем высоком стульчике. Его довольная рожица была вся измазана шоколадом. — Хочу еще му-уса!

— Думаю, тебе уже хватит, — строго сказала Имоджин. Она надела фартук, завязала сзади ленточки и заглянула в духовку, где подрумянивались вафли.

— Вот так! — Анна вытерла мордашку Элфи салфеткой. — Еще немного мусса, и твой папа меня убьет, когда придет домой.

— Вку-усно, — сообщил малыш. — Элфи любит мусс.

— Будем считать, что мусс прошел испытание на отлично, — засмеялась Анна. — Остается надеяться, что гости на свадьбе будут столь же непритязательны.

Анна проснулась сегодня в шесть, чтобы в полной мере насладиться несколькими часами одиночества за священнодействием у плиты — она готовила угощение для друзей и родных Джесс. В то мгновение, когда она взяла в руки деревянную ложку, были забыты и усталость, и все неприятности тяжелой рабочей недели. Вкуснейшие ароматы кружили голову, унося в мир сладких кулинарных грез.

Прошедшая неделя была из разряда тех, о которых хотелось поскорее забыть: из-за плотного графика деловых встреч и бюджетного дефицита, случившегося в павильоне, она едва находила время для общения с подчиненными, не говоря уже о собственных проектах. Пришлось работать дома, и до полуночи она разбиралась с электронными письмами. Повышение, которое она с таким энтузиазмом воспринимала еще месяц назад, обернулось тем, что теперь она работала за двоих. И это уже начинало ее беспокоить.

— Я обещала Джесс сделать сотню штук, — сказала Анна. — Когда имеешь дело с вафлями, очень важно свернуть их, пока они теплые, иначе ничего не получится. Кажется, они уже готовы.

Имоджин вынула противень с вафлями из духовки и поставила на полку, чтобы они немного остыли. Затем она взяла одну вафлю, положила на деревянную доску и свернула из нее кривоватый конус.

— Вот так? Правильно? — спросила она.

— Плохо! — заявил Элфи со своего высокого стульчика.

— Хм, возможно, он в чем-то прав, — осторожно сказала Анна, рассматривая творение сестры. — Может, стоит сделать так, как на картинке?

— Ладно, — чуть надулась Имоджин, разглядывая картинку в книге с рецептами.

— Попробуй вот так, — предложила Анна, ловко сворачивая три вафельных рожка и укладывая их на одну из дюжины круглых подставок для пирожных, которые прислала им Джесс. Осталось только наполнить вафли шоколадным муссом.

Имоджин тяжело вздохнула и свернула два более аккуратных конуса.

— Вот это уже лучше, — одобрила сестра. — Осталось сделать всего девяносто пять штук. А потом еще как-то успеть подготовиться к свадьбе. Не думаю, что Джесс понравится, если я появлюсь там в таком виде.

— Ну, не знаю, фартук тебе явно к лицу, — поддразнила сестру Имоджин. — А пятна

шоколада на джинсах способны пробудить воображение и вызвать самые жаркие фантазии.

Анна шутливо шлепнула сестру чистой деревянной лопаточкой.

— Что ж, значит, я зря истратила восемьдесят фунтов на наряд от Карен Миллен, — сказала она, думая о коралловом шелковом платье, перед которым не смогла устоять и которое сейчас висело у нее в шкафу.

— Нет, серьезно, Анна. Ты смотришься на кухне очень органично, как будто тут родилась. Тебе любой это скажет. Почему ты не хочешь воспользоваться тем, что плывет тебе в руки?

— Ты имеешь в виду заняться этим профессионально? — спросила Анна серьезно. — Раньше я считала кулинарию всего лишь хобби. На кухне я отдыхаю, расслабляюсь... Я никогда не думала на этом зарабатывать. Но в последнее время подобные мысли все чаще посещают меня.

— Я так и вижу тебя за стойкой кафе, — неожиданно заявила Имоджин. — Я ведь понимаю, долг перед бабушкой Ви не единственная причина, по которой ты не хочешь продавать наш магазинчик.

— За жениха и невесту, — сказала Анна, чокаясь бокалами с Гаретом, дядей Джесс.

— Эти рожки просто изумительны, — заметил Гарет, с хрустом жуя вафлю. — Джесс сказала мне, что мы обязаны вам таким великолепным угощением.

— Да, мы с сестрой их приготовили, — сказала Анна, вся светясь от удовольствия. Для нее это был лучший комплимент. — Рада, что вам понравилось.

Анна оглянулась на Джесс, сидящую во главе стола. В узком атласном кремовом платье в стиле сороковых годов и туфлях на шпильке она выглядела еще более привлекательной, чем всегда. Темные локоны свободно падали на светлую ткань, усиливая общий эффект от потрясающего наряда, а бледно-розовые розы на корсаже будто отражали румянец на лице. Джесс относилась к тому редкому типу невест, которые в свадебном облачении оставались собой и при этом выглядели совершенно потрясающе. Джесс поймала взгляд Анны и тепло улыбнулась.

— Привет, любимая, — сказал Джон, занимая место возле Анны и обнимая ее за талию. Он понизил голос и шепотом спросил: — Я, видимо, должен опасаться этого парня? — Он кивнул на почтенного мужчину лет шестидесяти, который в этот момент тянулся за очередным рожком.

— Думаю, он гораздо больше интересуется сладостями, чем моей скромной персоной. Так что не волнуйся — ты в безопасности, — сказала Анна и нежно поцеловала его. — Ты пропустил речь отца невесты.

— Мама Эда почувствовала себя неважно, и он попросил меня вывести ее на воздух.

— Как она сейчас? Все в порядке? — с тревогой в голосе спросила Анна.

— Вполне. Она слишком увлеклась шампанским, а врачи запретили алкоголь на время лечения. Но сейчас последствия возлияний уже прошли. Наконец-то я могу добраться до этих восхитительных рожков, — сказал Джон, протягивая руку к вазе с плодами их утренних трудов. — Они ведь без молока?

— Да, эта порция сделана специально для тебя. Так что ешь сколько душе угодно.

Джон проглотил конус с муссом за один присест.

— М-м, вкусно, — сказал он, нежно сжимая ее руку.

Когда первый танец жениха и невесты закончился, Джесс принялась отчаянно зазывать гостей на украшенную китайскими фонариками танцевальную площадку.

— Ну что, прекратим их страдания? — спросил Джон, взяв Анну за руку. Девушка с радостью кивнула.

— Я уже начала думать, что сюда никто никогда не выйдет! — встретила их Джесс со смехом. — Мы тут болтаемся, словно пара придурков на сцене. Ты же знаешь, как ужасно я танцую. Последнее, что мне нужно, — это оказаться в центре всеобщего внимания в свете прожекторов.

— Ну что ты, вы смотрите просто изумительно, — возразила Анна. — Такие счастливые!

Анна и Джон начали танцевать, девушка положила голову на плечо возлюбленному. «Может, когда-нибудь и мы будем танцевать здесь свадебный танец», — подумала она. После двух лет взлетов и падений с Джоном и с их попытками вписать в новую жизнь Элфи все наконец начало налаживаться. Этого им обоим пока было более чем достаточно. Возможно, однажды они придут к мысли о женитьбе, но сейчас, танцуя в объятиях Джона, она чувствовала себя полностью защищенной и счастливой, зная, что вернется в их новую квартиру, где им обоим так хорошо.

— Это был прекрасный день, — шепнул Джон на ухо Анне. — Не думаю, что говорил тебе, но ты просто прекрасна в этом платье.

Анна улыбнулась, подняла лицо, и их губы слились в поцелуе. В этот момент медленная музыка, которую исполнял оркестр, унесла прочь все печали и горести последних двух недель, оставив в душе лишь легкое радостное ощущение покоя.

Внезапно эта идиллия была прервана чьим-то ботинком, беззастенчиво обрушившимся на ее туфлю.

Анна вскрикнула и инстинктивно отдернула ногу.

— О, простите!

Девушка обернулась посмотреть на злосчастного танцора, молодого человека в морской форме, красивого, но вряд ли осознающего свою привлекательность.

— Я такой неуклюжий! — с раскаянием сказал он. — Боже, какой кошмар!

Анна наклонилась и сняла туфлю, чтобы оценить ущерб.

— Надо положить лед на ногу, — сказала партнерша моряка. — Я так всегда поступаю, когда Йен наступает мне на ноги.

— Да, правильно, спасибо за совет, — поблагодарила Анна. Мизинец пульсировал от боли, но по крайней мере крови не было. Девушка надела туфельку, выпрямилась и посмотрела на спутницу Йена. В зеленом платье, сшитом по моде пятидесятых, с гладкими темно-рыжими волосами чуть ниже ушей — она была сама сдержанность и элегантность.

— А, Мия, — чуть напряглась Анна, машинально выпрямляясь, чтобы казаться выше и стройнее. — Привет. А я тебя и не узнала.

— Привет, — спокойно поздоровался с бывшей женой Джон, небрежно целуя ее в щеку и пожимая руку Йену.

— Привет, — ответила Мия. — Извини, Анна, что так получилось. Не самый лучший способ начать вечеринку с танцами. Позволь, я принесу тебе лед из бара.

— Ну что, выпивка еще не закончилась? — спросила Имоджин, подошедшая двадцатью минутами позже. Она взяла два бокала с шампанским и один передала Анне.

— Думаю, будем пить и гулять всю ночь, — Анна с благодарностью приняла шампанское и сделала глоток. Алкоголь немного притуплял боль в ноге. Лед она долго держать не смогла.

— Рада, что ты пришла, — с улыбкой сказала Анна сестре, — хотя ты и стащила мое любимое платье.

Имоджин явилась на свадебную вечеринку в серебристом платье ниже колен, оставлявшем одно плечо обнаженным. Она заколола волосы наверх, и несколько выгоревших на солнце прядей спускались на ее загорелые, в редких веснушках плечи. Она выглядела настолько очаровательно, что можно было не обращать внимание на такую незначительную деталь, как черные вьетнамки на ногах.

— Ну, я же знала, что ты не будешь возражать, — Имоджин подмигнула сестре с лукавой улыбкой.

— Я не возражаю, — сказала Анна. — Но честно говоря, Имо, ты могла бы стащить еще и пару приличных туфель к платью, — она неодобрительно покачала головой, глядя на вьетнамки.

— Итак, которая из них? — Имоджин отставила бокал и внимательно оглядела зал, не стараясь скрыть свой интерес. — Не та ли, что разговаривает сейчас с Джоном?

— Именно она, — кивнула Анна, делая глоток шампанского.

— Мм... — Имоджин пригляделась, затем тихо свистнула: — Горячая штучка!

— Ну спасибо. Знаешь, я в курсе.

— А еще она мерзкая, отвратительная обманщица, конечно.

— И это правда. Хотя не думаю, что когда-нибудь узнаю всю эту грязную историю в деталях.

— Какая там еще история? Она завела ребенка от Джона, а потом переспала с соседом. Все!

— Думаю, Джон до сих пор корит себя за то, что оставлял их с Элфи одних надолго. Он как раз тогда нашел новую работу, и ему приходилось много ездить по делам.

— Самая обычная отговорка. Другие же не бросаются в объятия соседа, как только муж куда-нибудь уезжает! — сказала Имоджин, закатывая глаза.

— Шш, тише, прошу тебя, — зашикала Анна. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал, кого они обсуждают. — По крайней мере Мия — замечательная мать, и она не препятствует нашему с Элфи общению.

— Ты чертовски благоразумна, Анна. Неужели тебя это все не напрягает?

— Мне все равно, что было в его жизни до меня.

— Согласна, — сказала Имоджин. — Очевидно, что Джон без ума от тебя, и это единственное, что имеет значение. И все же эта ситуация просто отвратительна.

Когда зазвучала новая песня, Имоджин потянула сестру за руку.

— Допивай свое шампанское. Я знаю, ты травмирована, но я очень люблю эту мелодию, — она скинула шлепанцы. — Вот, надень, а мне давай свои туфли, и пойдём потанцуем — надо же составить Джесс компанию.

В понедельник утром Имоджин осталась одна в квартире, и сейчас, когда шампанское полностью выветрилось и мысли прояснились, она почувствовала прилив энергии и решила, что готова к оздоровительным мероприятиям.

Она отправилась на кухню, выпила фруктовый коктейль из манго и маракуйи, а затем расстелила коврик для йоги. Имоджин решила начать день так же, как на острове, — поприветствовать солнце, обратившись лицом к морю. Да, конечно, эта водная гладь была серой и мрачной, но все же это было море. Следя за дыханием, она плавно переходила от одной позы к другой, растягивая мышцы, расслабляясь и успокаиваясь.

Девушка честно старалась разобраться в себе и своих чувствах, но одна радостная мысль заслоняла все остальные — завтра она уже будет сидеть в самолете, уносящем ее назад на Ко-Тау. Совсем скоро она окажется на берегу в объятиях Люка, снова будет делать подводные снимки, наслаждаться звездными теплыми ночами и радоваться солнечным беззаботным дням. Имоджин улыбнулась и изо всех сил постаралась вытолкнуть таз вверх, к потолку, не обращая внимание на отчаянное сопротивление задних бедренных мышц.

Звонок телефона разрушил блаженную тишину. Имоджин неохотно поднялась на ноги и подскочила к журнальному столику, где лежал мобильник, с одним желанием — заставить его замолчать. Со вздохом прочитав на экране: «Мама», она поняла, что надежда на релаксацию тает на глазах. Одна лишь мысль о матери заставила ее напрячься.

Она нажала кнопку приема вызова.

— Привет, мам, — сказала она в трубку, пытаясь удержать ощущение безмятежности и покоя, которое испытывала, занимаясь йогой.

— Имоджин, хорошо, что я тебя застала. У тебя есть немного времени?

— Конечно, — Имоджин села на диван и подогнула под себя ноги. — В чем дело?

— В твоём отце. Боюсь, он несколько не в себе. Том закрылся у себя в студии и отказывается выходить оттуда.

Положив трубку, Имоджин сразу же бросилась на станцию и села на первый поезд до Льюиса. Весь путь до городка она думала о двух прошедших неделях, о долгих вечерах, когда они разбирали бабушкины вещи — старые фотографии, украшения, разные мелочи, игрушки из их с Анной детства и детства отца и дяди. Мартин больше говорил, а отец тщательно разбирал и сортировал вещи матери. Должно быть, ему было очень нелегко — сразу после похорон с ощущением безвозвратной утраты вновь погрузиться в детские воспоминания.

Добравшись до города, Имоджин пешком направилась знакомой дорогой к коттеджу родителей. Она постучала, и уже через несколько секунд мать отворила дверь.

— Спасибо, что так быстро приехала, милая, — сказала Джен, пропуская ее внутрь и провожая на кухню. — Честно говоря, я не представляю, что еще можно сделать.

— Давно он там сидит? — спросила Имоджин, глядя в окно на отцовский сарай в саду, который он переделал в мастерскую.

— Со вчерашнего утра. Он спал там сегодня, а сейчас вот уже несколько часов просто сидит на полу. Я заглядывала к нему через окно, но не смогла убедить выйти.

— Он что-нибудь ест?

— Я просовывала ему сэндвичи под дверь, но понятия не имею, прикоснулся ли он к

НИМ.

— Ты не думаешь, что просто на него так повлияли события последней недели? — сказала Имоджин. — Не так-то легко пройти через все это... похороны матери... Я хочу сказать... — Имоджин внимательно посмотрела на мать, отмечая напряженное выражение лица и новые морщинки вокруг глаз. — Папе ведь совсем это не свойственно, — проговорила она, тщетно пытаясь найти разумное объяснение происходящему. — Я имею в виду, впадать в депрессию.

— Мартин с твоим отцом обсуждали, как следует поступить с домом бабушки Вивьен, — сказала Джен сдержанным тоном. — Похоже, Мартин хочет продать его как можно быстрее и уже получил предложение от застройщика. Он сказал отцу, что хочет продать дом и подвести черту под всем этим. Том не против самой продажи, но застройщик собирается снести особняк и построить на этом месте многоквартирный дом.

— Это ужасно! — воскликнула Имоджин. — Я согласна, что Мартин и папа должны что-то решить с домом, но так скоро после бабушкиной смерти? Как только Мартин мог пойти на это?

— Совершенно с тобой согласна. Впрочем, нетрудно догадаться, кто подговорил Мартина на это. Но ты ведь знаешь, как твой отец и его брат относятся друг к другу. Не думаю, что они хоть раз поругались с тех пор, как вышли из подросткового возраста. Отец не произнес ни слова о продаже дома после разговора с Мартином, за исключением того, что рассказал мне о его планах. Однако его это страшно мучит.

— Ему не следует сдаваться, — сказала Имоджин. — Дом принадлежит им обоим. Мартин не может ничего сделать без согласия папы.

— Ты ведь знаешь своего отца, — голос Джен неожиданно смягчился. — Тот, кто был когда-то хиппи, остается им на всю жизнь. Он на все даст согласие, лишь бы сохранить мир в семье.

В первый раз в своей жизни Имоджин увидела свою мать в таком состоянии — она готова была расплакаться.

— Я пойду поговорю с ним, — сказала Имоджин решительно.

— Да, милая, иди. Надеюсь, у тебя лучше получится, чем у меня. У вас с отцом всегда были особые отношения. Ты ведь знаешь, ты самое дорогое, что у него есть.

Имоджин оставила мать и направилась в сад, напрямиком к мастерской отца.

— Пап, я знаю, что ты там, — сказала Имоджин, подойдя к двери. Она подождала несколько секунд, но услышала лишь стук дятла вдалеке. — Послушай, я завтра уезжаю и надеюсь, ты поговоришь со мной на прощание.

Имоджин помедлила еще немного, ожидая ответа, и, не получив его, уселась на ступеньку, прислонившись спиной к двери. Лучи полуденного апрельского солнца согревали ее лицо. Прямо перед ней в полузросшем саду, который ее мама отчаялась подчинить своей воле, возвышался толстый дуб, раскинувший ветки во все стороны. Высоко в кроне Имоджин увидела потемневшие от времени, сколоченные вместе деревянные доски и смятый металлический лист, когда-то служивший импровизированной крышей. Примерно пятнадцать лет назад отец смастерил этот домик на дереве, их с Анной тайное убежище, где сестры играли и делились своими секретами. Папа так и не убрал его оттуда.

Имоджин просидела под дверью минут десять, но ответа так и не дождалась. Неохотно поднявшись на ноги, она вернулась на кухню. Джен уже взволнованно выглядывала в окно.

— Слушай, мам, а у тебя случайно не найдется бейквеллских пирожков с миндалем? —

спросила Имоджин. — Ты ведь знаешь, как он их любит.

— Отличная идея, — сразу оживилась Джен. Она открыла буфет и достала оттуда пакет. — В обычном состоянии он бы уже давно их уничтожил, но со дня похорон он почти не ест, — она протянула Имоджин пакет. — Только не клади их на тарелку, иначе не просунешь под дверью.

— Спасибо, мам. — Имоджин вернулась в сад, охваченная новой волной оптимизма. Возможно, ее слова не вызвали у отца интереса, но она не помнила, чтобы он мог устоять перед несравненным лакомством из кондитерской «Мистер Киплинг».

Когда она подходила к мастерской, она заметила какое-то движение, словно тень пробежала. Прижав лицо к мутному, грязному стеклу, Имоджин постаралась разглядеть, где скрывается отец. Но когда глаза привыкли к мраку, ее внимание привлекла вовсе не фигура отца. На рабочем столе, на полу валялись его скульптуры... изящные птицы, расколотые на сотни кусков.

* * *

— Анна, послушай, ты можешь приехать и встретиться со мной? — сказала Имоджин. — Я сейчас в доме бабушки Ви.

— Да? — судя по голосу, Анна была озадачена. — А что ты там делаешь? Я думала, ты уже пакуешь вещи.

— Не знаю, — сказала Имоджин честно. Как она могла объяснить, что когда сошла с поезда из Льюиса, то просто пришла сюда, сама изумленная своим поступком. — Возможно, ищу ответы на некоторые вопросы... Просто скажи, ты придешь? Это важно.

— Хорошо, — сказала Анна. — Я сейчас заканчиваю. Буду в десять.

Имоджин посмотрела на кофейный столик. Перед ней лежал раскрытый фотоальбом, тот самый, который бабушка оставила им по завещанию. На первой странице чернилами была сделана надпись от руки:

«Моим красавицам-внучкам, Имоджин и Анне. Краткая история этого необычного предприятия. Возможно, вы полюбите кафе-мороженое так же, как любила его я все эти годы.

Ваша бабушка Ви».

Имоджин медленно перевернула страницу. Там была черно-белая фотография кафе и подпись: «24 июля 1953 г. День открытия!»

Перед фасадом кафе стояли гордые и счастливые Вивьен и ее муж Стэнли. На Вивьен длинное платье с рисунком из пудельков, волосы элегантно уложены, пышные локоны спадают на плечи. Рука Стэнли лежит на талии жены. Он в очках в темной оправе, у него каштановые, а не седые волосы, с которыми запомнила его Имоджин. Второй рукой он нежно обнимает за плечи младшего сына — Мартина. Вивьен прижимает к себе Тома. Оба мальчика в шортах, рубашечках и красивых ботинках, все выглядят взволнованными и счастливыми.

«Отец рискует потерять дом, где прошло его детство, — подумала Имоджин. — Неужели они с Анной отнимут у него и кафе на Сансет, 99?»

Она продолжила рассматривать фотографии, рассказывающие историю бабушкиного кафе. В конце альбома была совсем новая фотография, цветная, занимающая почти всю

страницу. Вивьен с улыбкой на лице в центре, на ней темно-синее платье с отделкой кремового цвета, волосы убраны в высокую прическу. Ее окружает семья: два сына и Джен с Имоджин и Анной. Фотография была сделана еще до того, как Мартин познакомился с Франсуазой. Тогда все родные считали его убежденным холостяком. Имоджин взгляделась в собственное изображение: сильно накрашенные глаза, блеклая футболка... Кажется, ей было тогда шестнадцать.

Отец на этом фото был совсем не похож на себя настоящего — глава семьи, сильный, уверенный в себе человек. Имоджин решила, что это было то самое лето, когда ее учительница по английскому языку, мисс Картер, определила у нее дислексию. Имоджин тогда неожиданно получила самые низкие оценки на ее уроках и стала посмешищем для всего класса.

Наконец и самой Имоджин, и ее родным стало понятно, почему все эти годы она испытывала сложности при чтении и написании сочинений. Но папа всегда утешал ее, когда она приходила домой в слезах из-за того, что учителя называли ее тупой или ленивой. Отец понимал, как и она сама, что за всем этим ужасом кроется нечто большее, чем просто диагноз. В конце концов Том отправился прямиком в школу, лично поблагодарил мисс Картер, а затем потребовал встречи с директором школы, чтобы выяснить, что не так, и потребовать впредь особого подхода к дочери. Имоджин делала вид, что не одобряет его действия, но втайне гордилась отцом, который пошел на это ради нее.

Девушка вновь мысленно вернулась к разбитым скульптурам, которые увидела в отцовской студии сегодня днем. Трудно было представить, что вот этот открытый, полный достоинства человек на фотографии и есть ее отец, который сегодня трусливо скрывался от дочери, не желая с ней разговаривать. Если она улетит завтра в Таиланд, какое сообщение она получит вскоре из дома? Возможно, отец через пару дней придет в себя и вернется к своим обычным делам, но что, если нет? Ей была невыносима мысль о том, что в ее отсутствие ему может стать хуже.

До сих пор все ее мысли и желания были поглощены островом — солнце, море, Люка и, самое главное, возвращение к ее проекту, к подводным съемкам. Да, она мечтала об успехе, о выставке, но единственным человеком, которому она хотела ее показать, чье мнение ей было действительно важно, — был отец. Он с самого начала поддерживал ее амбиции: купил ей дорогую профессиональную камеру, помог организовать фотолабораторию. Ей так хотелось, чтобы он увидел, что его усилия не пропали даром, что он может гордиться ею.

Но как она сможет помочь ему сейчас, если окажется на другой стороне земного шара? — думала она, охваченная чувством вины. Все, что надо ему сейчас, чтобы прийти в себя, — это поддержка тех, кто его любит. Ему просто нужно видеть, что родные на его стороне и что они сделают все, чтобы сохранить память о Вивьен.

Имоджин подумала об обещании, данном Люка. Все готово к отъезду, завтра она может улететь к нему, если захочет.

Но ее отец... он поддерживал ее и Анну со дня их появления на свет. Как может она оставить его сейчас, когда он так нуждается в ней?

Ее мысли прервал звонок в дверь. Имоджин увидела высокий силуэт сестры через витражное стекло и открыла дверь.

— Хорошо, что ты приехала, — сказала Имоджин, провожая Анну в гостиную.

— Что за срочность? — спросила Анна, устраиваясь в бабушкином кресле. Имоджин

села напротив.

— Я просто не могу это сделать, — заявила Имоджин, заметно волнуясь.

— Не можешь сделать что? — не поняла Анна. Она бросила на пол сумку и устало потерла виски. — У нас сегодня на работе был настоящий кошмар, Имо. Я совершенно не в состоянии сейчас разгадывать загадки.

— Я не могу завтра улететь в Таиланд. И мы не можем продать кафе, — взволнованная своим решением, Имоджин вскочила с места. — Не только Франсуазе, что просто невозможно, но, думаю, вообще никому.

— Хорошо, — медленно протянула Анна. — Ты в порядке, Имо? У тебя такой вид... слишком взвинченный.

— Мы не имеем права разбивать сердце отцу! — Имоджин возбужденно принялась ходить по комнате. — Мы нужны ему сейчас.

— Разбить отцу сердце... — Анна прижала ладонь ко лбу. — О чем ты говоришь? И почему бы тебе не присесть. У меня голова кружится от твоего мельтешения.

— Прости. — Имоджин подошла к диванчику и пристроилась на краешке. — Это потому... в общем, я видела сегодня папу, Анна. То есть, если быть точной, я не совсем его видела. Он полностью сломлен. И он не захотел разговаривать со мной. Я видела его студию. Во что он ее превратил, Анна! Он разбил свои скульптуры!

— Боже, правда? — Анна выпрямилась, широко раскрыла глаза. — Это совсем не похоже на папу. Что все это значит?

— Похоже, Франсуаза надавила на Мартина, чтобы он срочно продавал все это, — Имоджин обвела рукой комнату и окна, за которыми зеленел сад. — Это можно понять, учитывая огромный налог на наследство, но они хотят продать дом тем, кто все здесь снесет и построит многоэтажку. И они заговорили об этом с папой всего через неделю после похорон!

— Эта женщина... — Анна покачала головой. — Я знаю, что она претендует на то, чтобы быть членом нашей семьи, но в действительности она никогда не пыталась им стать. Мартин никогда бы не сделал этого, если бы не она.

— Здесь мы бессильны. Но мы можем кое-что сделать вот с этим, — Имоджин взяла со столика альбом с фотографиями и открыла его, показав сестре фотографию с открытия. — Посмотри сюда, Анна. Это история бабушкиного кафе на Сансет, 99, с первого дня открытия. Здесь есть снимки, сделанные в шестидесятых, с папиным мотоциклом, припаркованным сбоку. А это их вывеска, видишь? Правда, крутая, с этими оранжевыми и розовыми буквами?

— И правда очень здорово, — Анна улыбнулась. — Но я не совсем понимаю, какая тут связь...

— Это кафе было его вторым домом с самого начала, — пояснила Имоджин. — Ты ведь знаешь, как он всегда говорил о нем. Мы не можем допустить, чтобы и это, последнее место, связанное с бабушкой Ви, ее наследие, оказалось уничтоженным. Мы должны хотя бы попытаться.

— Не верю своим ушам! Ты действительно так считаешь? — с некоторым колебанием спросила Анна.

— Представь, что будет, если мы сможем вернуть нашему кафе былую славу! А мы сделаем это! — воскликнула Имоджин с воодушевлением. — Ради папы, ради бабушки!

Анна некоторое время молчала.

— Я не знаю, — наконец сказала она. — Все несколько неожиданно. Это потребует

очень много сил.

— Помнишь, что обычно цитировала бабушка в таких случаях? Из «Алисы в Стране чудес»? «В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!» Анна, я раздумала ехать в Таиланд. У нас с тобой появился шанс, и мы должны поверить в то, что невозможное возможно. Я думаю, мы должны попытаться это сделать.

— После сумасшедшего дня на работе все это звучит достаточно привлекательно, — сказала Анна, улыбаясь. — Я начинаю думать, что нам это действительно по силам.

— А почему бы и нет! — кивнула Имоджин.

Сестры несколько минут молчали, постепенно до них начала доходить важность принятого решения.

— Но... — Анна слегка запнулась, — я думала, что ты хочешь вернуться на остров...

— Да, хочу, — помрачнела Имоджин. — Действительно, очень хочу. Но сейчас, когда папа в таком состоянии, это кажется неправильным. Я останусь, чтобы помочь тебе поднять это дело, а потом мы подберем тебе надежного напарника, который сможет меня заменить.

— И тогда ты вернешься на остров?

— Да. Мой билет действителен в течение шести месяцев. Я только немного доплачу, чтобы изменить дату вылета.

— А что с тем парнем, с которым ты встречаешься? С Люка?

Имоджин невольно дотронулась до ожерелья с зубом акулы, которое постоянно напоминало ей о нем.

— Я все объясню ему. Не знаю, как он на это отреагирует. Но чувствую, что сейчас в первую очередь нужна своей семье.

Имоджин набрала номер Люка. Ее сердце бешено стучало, пока она ждала ответа.

— Это ты, Имо? — наконец раздался в трубке сонный голос Люка.

Она посмотрела на старинные дедушкины часы в гостиной. Черт! Сейчас на острове около полуночи. Она совершенно забыла о разнице во времени.

— Привет, Люка, — виновато сказала Имоджин.

— Ты уже почти дома, — пробормотал он сонным голосом.

Слова, которые она должна была ему сказать, застряли в горле. А Люка продолжал, ничего не подозревая:

— Все уже готово. Ребята с Комодо зарезервировали нам место на ночь четверга для вечеринки. Я пригласил Сантьяну, Дэви и всех твоих друзей-дайверов заодно.

— Спасибо, — сказала Имоджин. Чувство вины из-за того, что она должна ему сейчас сообщить, приводило ее в отчаяние. — Собственно, поэтому я тебе и звоню. Я знаю, что должна была вылететь завтра, но мне придется задержаться.

— Ты шутишь, — сказал Люка, в его голосе отчетливо слышалась тревога.

— У меня здесь возникли некоторые обстоятельства... семейные дела. Это очень важно.

— А я... как же я, Имоджин? Боже, я знал, знал, что так и будет! На сколько ты задержишься?

— Я не надеюсь, что ты будешь ждать...

— На сколько?

— Четыре месяца, может, пять, — сказала она. — Я вернусь в сентябре, точно.

— В сентябре. Ты это серьезно говоришь?

— Ты всегда можешь... приехать сюда. Если захочешь, — неуверенно предложила

Имоджин, сама понимая, насколько это неубедительно звучит.

— Хорошо, — сказал Люка, и Имоджин ясно услышала боль в его голосе. — Мне нужно подумать обо всем этом. Я не знаю сейчас, во что мне верить и чего ожидать от тебя.

— Вот, возьми, выпей, — говорил Джон утром в следующую пятницу, протягивая Анне чай в ее любимой кружке с орнаментом в стиле Орлы Кили^[4]. Девушка согнула колени, укрытые пуховым одеялом, подтянула их к подбородку и, взяв кружку, сделала глоток.

— Спасибо, — сказала она. — Мне действительно нужно взбодриться перед сегодняшней встречей.

Джон сел рядом с ней на кровать, продолжая застегивать пуговицы белоснежной рубашки.

— Похоже, ты настроена весьма серьезно, — заметил он, когда их глаза встретились. — Все случилось так быстро. В понедельник вечером я впервые услышал об этом и с тех пор практически тебя не видел, вы с Имоджин все вечера не отрывались от вашего бизнес-плана.

— Ты мне еще рассказываешь! — фыркнула Анна. — Я не знаю, реально ли все это или просто безумная мечта, но уверена в одном — мы должны хотя бы попробовать что-то сделать.

Анна еще не совсем проснулась, голова была как в тумане. Они с Имоджин разошлись только под утро, обсуждая последние детали.

[Купить полную версию книги](#)

Имеется в виду Кэтрин Хепберн, известная голливудская актриса, обладательница четырех премий «Оскар», пик ее карьеры пришелся на 30–40-е годы.

Фиш-энд-чипс — рыба, обжаренная во фритюре, которая подается с картофелем фри, неотъемлемая часть английской национальной кухни. — *Прим. ред.*

Мэри Портас — английская телеведущая, известный эксперт по розничной торговле. —
Прим. перев.

Орла Кили — известный лондонский дизайнер ирландского происхождения. — *Прим. ред.*